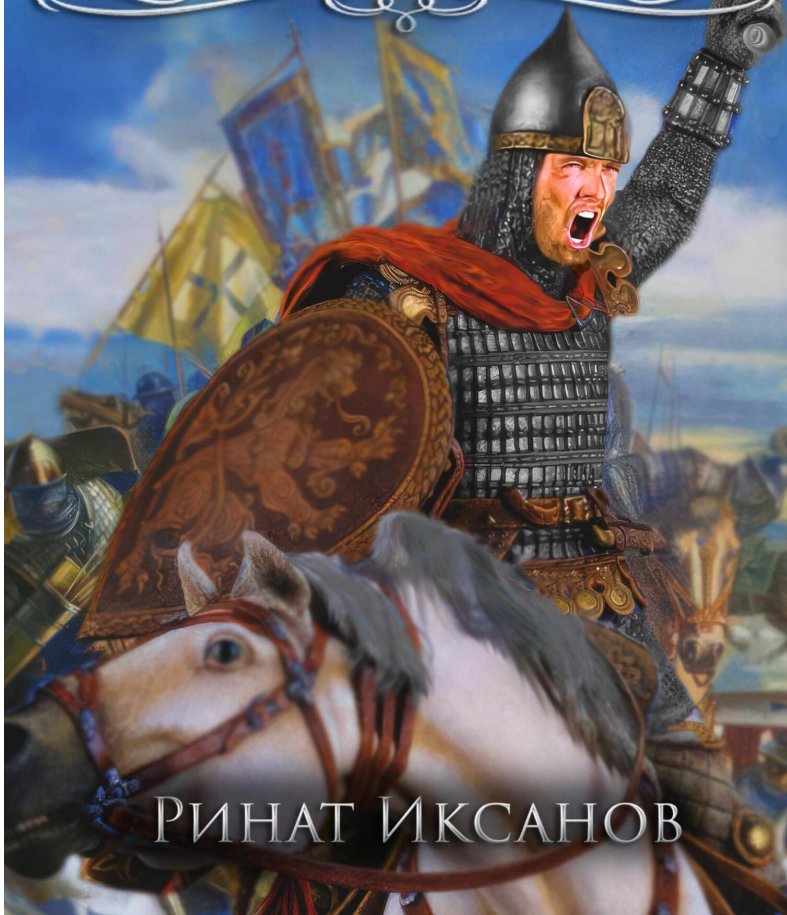

КТО С МЕЧОМ
ПРИДЁТ...

РИНАТ ИКСАНОВ

Ринат Иксанов
Кто с мечом придёт...
Серия «Синхронизация
времени», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69463324
SelfPub; 2024*

Аннотация

Роман "Кто с мечом придёт..." – это вторая книга цикла "Синхронизация времени". Первая книга цикла – "Прокрустово ложе времени". Приключения группы спецназовцев, волею случая оказавшихся в XIII веке, продолжаются. Наши герои стали близкими дружинниками и принимают непосредственное участие в значимых исторических битвах с орденом крестоносцев под предводительством великого полководца князя Александра, прозванного в народе Невским. В романе продолжается знакомство с главным героем повествования – Тимуром Муртазиным, человеком загадочным, обладающим некими способностями, до конца не понятными даже ему самому. Кто же он на самом деле? Почему именно Тимур наделен даром, который помогает ему выжить в ситуациях, в которых другим спастись было бы невозможно? Ответы на эти вопросы читатель найдет на страницах цикла книг "Синхронизация времени" автора Рината Иксанова.

Содержание

Часть 1. Край	5
Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	42
Глава 4	56
Глава 5	69
Глава 6	83
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ринат Иксанов

Кто с мечом придёт...

Посвящаю моим детям Регине, Динаре, Тимуру, внуку Аллену. Родные мои, как бы не сложилась судьба, вы всегда в моем сердце.

Воинам-героям великой России, вставшим на защиту нашего народа, приняв участие в специальной военной операции на Украине.

Братья! Не в силе Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: сии в оружии, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог!
Александр Невский

Часть 1. Край

Глава 1

Солнце садилось. Ближние дружинники во главе с князем прятались в кустарнике, покрывавшем самый краешек отвесного обрыва, и внимательно наблюдали с высоты за высадкой шведского десанта. Слева и справа от нашей позиции располагались пологие спуски, ширина которых позволяла коннице и пехоте переместиться из леса на берег, не теряя строй. Это было важно, так как метрах в полутораста сзади, в дубняке, до поры скрывалась княжье войско. Насколько я успел узнать, конниками командовал боярин Гаврила Алексич, а пехотой боярин Илья Косолапый. Старшиной лучников, как выяснилось впоследствии, был дружинник-ветеран Ксенофонт Трехглазый, прозванный так то ли за исключительную меткость, то ли за расположившийся в центре лба здоровенный жировик величиной с мячик для пинг-понга.

С берега до нас доносились вы крики на чужом языке. Я обратил внимание на весьма примечательного персонажа, стоявшего у борта одного из суден. Это был крупный мужчина в сверкающих доспехах. Шлема на голове не было — ветер трепал длинные пряди светлых волос. Верзила обладал громоподобным голосом и повадками человека, привык-

шего повелевать. Кнехты на берегу суетились, выполняя его распоряжения.

– Вот ироды, – озабоченно теребя бороду, пробормотал ратник Вахромей. – Не сторожатся даже...

Федор беззвучно шевелил губами – пересчитывал латников, деловито суесящихся на месте высадки, но сбился и, выругавшись, зло произнес:

– Не сосчитать... Зрите, ктой-тось там, в калантырях? Мехом обшитых? Никак емыцы?

– Они самые, – ответил кто-то из ратников. – Пригнали их, энтих подневольных... Значица, гляжу, не только sweи к нам заявились. Жмудь, вона, в сторонке дичится – особится. Спокон веку Русь ненавидят, завидуют... И по стягам вижу – немцы с мурманами тоже явились, охочие на нашу землю. Многа йих...

– Ничего братцы, – успокаивающе прошептал Жан, – Их – войско, а нас – рать...

Моя надежда на то, что он произнес свою шутку неслышно для других, не оправдалась – князь резко обернулся, опалил шутника жгучим взглядом, но, не выдержав, прыснул в кулак. Дружинники натужно кряхтели, еле сдерживая богатырский хохот. Я исподтишка показал спецназовцу кулак – «куда ты лезешь, со своими дебильными приколами?!», а он виновато пожал плечами и отвел взгляд, в котором плясали бесы.

– Зрю, братцы, рытарей зело многовато... – справившись

с приступом веселья, заметил Александр Ярославич. – Только где же сам-то, главный их, царский зятьёк Биргер?

– А не тот ли, что с корабля людьми командует? – предположил я. – Видишь, князь, вон он, здоровяк? Важный такой...

– В железе-то? Может и он сам, ярл. Живьем бы этого важного взять...

Некоторые кнехты стаскивали в кучи валежник и зажигали громадные костры, видимо собирались готовить пищу, другие устанавливали шатры, готовясь к ночевке. Захватчики расхаживали вальяжно, по-хозяйски. Это выводило из себя русских ратников, и они вопросительно смотрели на князя – мужикам не терпелось задать вторгшемуся на их территорию врагу трёпку. Александр Ярославич, кривя губу, мрачно наблюдал за суетой на берегу.

– Ладно, – наконец произнес он. – Поглазели, и будя. Солнце за воду уходит. Размякли гости непрошенные, кушать, вона, собрались. Повечеряют, а и опосля почивать улягутся. Не до брани свейским воям. Недолго же им... кочевряжиться-то.

И, пригибаясь, пошел назад, к дружине. Ближние не отставали, не забывая зорко оглядываться по сторонам. Они высматривали потенциальный источник опасности для князя, не забывая о наказе боярина Доброслава Алексеича – беречь девятнадцатилетнего полководца как зеницу ока. Прибыв на место, князь приказал подать коня и, усевшись на

него, подозвал к себе старших дружинников.

Несмотря на сгущающиеся сумерки, я смог разглядеть Гаврилу Алексича и Илью Косолапого. Гаврила оказался долговязым улыбчивым увальнем с непомерно широкими плечами и длинными руками. Судя по реденькой бородке и веселым искоркам в глазах, этот парень примерно одного возраста с Александром Ярославичем.

Пехотинец Илья напоминал своего былинного тезку из Мурома – такой же мощный, с окладистой бородой, широколобый богатырь. Шишак на его голове был отмечен закручивающимися к верху спиральными полосами червленого металла.

Лучники отсутствовали – они заранее заняли позицию, рассредоточившись в линии кустов над обрывом. Рать состояла из отборных дружинников, можно сказать, представляла собой гвардию. Подавляющее большинство этих воинов прибыло в Новгород с княжичем из Переславля-Залесского. Именно они под командованием Александра Ярославича недавно рассеяли по литовским лесным чащам отряд немецко-литовских рыцарей, совершивших грабительский набег на русские земли близ Изборска, Полоцка и Пскова. Тогда небольшая дружина, действуя по замыслу князя, скрытно обогнала отягощенное награбленным добром и пленниками войско мародеров, встретила их на литовской земле и разгромила наголову!

Серьезные лица, сосредоточенные взгляды... Каждый из

ратников был тренирован, не раз испытан и имел богатый боевой опыт. Было видно, что они готовы к битве на сто процентов. У всех имелись добротные, вычищенные до блеска доспехи – кольчуги-юшманы, остроконечные шишаки, не отягощенные излишествами в виде украшений, если не считать наличие у некоторых осеребрённых круглых зеркал. Боевой арсенал ратников состоял из круглых кованых щитов, мечей, чеканов, сулиц и копий оснащенных крючьями – чтобы цеплять и сдергивать ими наземь всадников.

Доспехи Александра Ярославича тоже не блистали кричащей роскошью, лишь некоторые их детали были позолочены и украшены искусным орнаментом – князь все-таки. Шлем оснащен подвижным забралом, при необходимости защищающим лицо. Рукоять длинного прямого меча поблескивала разноцветными камнями.

Молодой полководец грозно сверкнул очами, оглядев ряды воинов, потом заговорил веско и уверенно, четко выговаривая каждое слово:

– Братья мои! Биргер, верхний свейский ярл, письмецо мне прислал. Пишет, гадюка, чтоб я, ежели сдюжу, сопротивлялся ему. И грозит, крестопузый, пленить землю нашу.

Негромкий смех прошел по рядам. Князь коротко улыбнулся, но, подняв руку, остановил веселье и продолжил:

– Биргер думает, что сила за ним, а значит и Бог на его стороне... Пущай выкусит!

Братья! Не в силе Бог, а в правде! Вспомним слова псал-

мопевца: «Сии в оружии, и сии на конех, мы же – во имя Господа Бога нашего призовем»... Братья! Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог!

И еще я вам скажу, други. Сопротивляться мы не обучены и не привыкли. Пущай сиеи сопротивляются, коли смогут. А мы, святой Руси защитники, били врага, на нашу землю позарившегося, и будем бить!

Пусть их, свеев прибудных, на берегу поболе нашего будет. Ан не считать мы сюда пришли, а врага истреблять, сколько бы его ни было! А земли у нас много, каждому свею на могилку удела нарежем, с Божьей помощью, не жалко...

Дружинники засмеялись. Князь, улыбаясь, выждал, потом сделал знак рукой и воины притихли.

– Наша победа в первом ударе. – Голос Александра стал деловитым, как на производственном совещании. – Бьем незваных гостей едино – быстро и мощно, аки медведица беспощадно рвет врага, медвежат своих защищая! Разумею так: конной рати надобно отрезать высадившихся свеев от их кораблей. Лучникам я их дело уже объяснил – пусть поджигают вражьи судна огневыми стрелами. Велел не забывать и о вражьих самострельщиках – высматривать их и метко разить! А наша пешая рать должна прижать тех, кто уже на берегу, к самой Ижоре, и в воду гнать рытарей, не дать им в ряды встать. Отсматривайте бискупов ихних, крючьями стаскивайте наземь этих волков, добивайте без жалости!

А чуток позже, когда враг опаматываться начнет, в кулак

собираться, то по ним воевода Лексеич с правой руки вдарит – подвздох! Нам главное не дать свейм первый страх пережить! Рытари не все готовы, боевая справа на некоторых легкая, походная... Да и ту поскидывали небось, удобства ради. Нет, не готовы они сейчас к сече. Потому нельзя нам мешкать. – Князь резко повернулся, снова оглядывая дружину, и повысил голос, – Беспощадно, вои, слышите меня? Помните – бить врага быстро и мощно! За землю нашу, за веру христианскую, за народ, не пожалеем живота своего!

Все вы слышали о чудесном видении ижорского старосты Пелгусия, воочию узревшего Бориса и Глеба. Не оставят нас без поддержки на бранном поле святые братья! С Божьей помощью защитим Святую Русь. Вперед, богатыри русские! Ждать боле неча.

Сноровисто прошли вдоль строя двое священников, кропя воинов святой водой и осеняя крестом, благословляя на битву. Военачальники вернулись к своим подразделениям, проинструктировали дружинников. Речь князя несла в себе такой заряд, что у меня дико хотелось немедленно бежать на берег и показать шведам кузькину мать во всей ее первозданной красе. Жан тоже выхватил саблю и, побледнев лицом, шагнул в сторону места вражеской высадки. Федор вполголоса скомандовал:

– Ближние, охолонь! Марш на коня! Берем князя в круг. Зорче, мать вашу, зорче будьте! Щиты изготовьте, чтоб Яро-славича прикрыть ежели что... – И добавил веско, – Убере-

жём князя, дружинники. Мечи наголо!

Конница пересекла поляну и, выстроившись клином, разгоняясь, рванула к реке, над которой всходила яркая луна. Ряды пеших ратников тоже исчезли за стволами деревьев, но нам уже было не до этого – князь стегнул коня, посылая его в сторону поросшего мать-и-мачехой бугра, откуда можно было наблюдать за схваткой на берегу. Федор и Вахромей цепко держались совсем рядом с Александром Ярославичем, готовые прикрыть его щитами от стрел, а остальные ближние дружинники встали с четырех сторон чуть поодаль, оцетинились пиками. Жан прикрывал тыл. Я же оказался у самого косогора, и панорама битвы развернулась передо мной почти во всех деталях. Хорошо еще, что небо было чистым и, лунный свет хорошо освещал берег. А может дело в моем улучшившемся зрении?... Мне удалось видеть начало побоища – иначе не назовешь сечу, происходившую возле устья реки Ижоры.

Русская конница, на скаку ловко перестроившись в клин, моментально смела хлипкое охранение, состоящее из простых кнехтов, и развалила на две неравные части неготовую к нападению толпу шведских вояк. Опешившие от неожиданной атаки русских богатырей, свеи валились с ног, порубленные длинными прямыми мечами. Свистели стрелы – из кустов били наши лучники, метко поражая неприятеля, в том числе и арбалетчиков. Меньшая часть меченосцев, оставшаяся непосредственно возле кораблей, продержалась недол-

го и была моментально истреблена подчистую. Над трупами шведов расчерчивали воздух яркие росчерки пылающих стрел. Такелаж кораблей во многих местах начал охватывать огонь. Богатырские кони подступили к кромке воды и тяжело вытанцовывали на берегу, а сидевшие на них витязи, подболевшись, зазывали свейских воинов спуститься с кораблей на сушу, принять бой. Но те не спешили на встречу с неминуемой смертью, а некоторые даже бросились сбрасывать в воду сходни, заметив, как самые лихие дружинники прямо на конях взбираются по ним на судна и рубят матросов.

И все же надо признать, что шведы были опытными вояками. Они быстро сориентировались в обстановке. Те из них, кому удалось избежать первого разящего натиска, старались уклониться от немедленного боевого контакта с конницей и стягивались вокруг старших военачальников – рыцарей, создавая вокруг них небольшие, но стойкие очаги сопротивления. Эти группы начали сливаться вместе, что усложняло задачу нашей конницы...

Именно в этот момент подросла русская пешая рать.

Удар этого монолита, казалось, неспособна выдержать ни одна армия. Дружинники работали – не бились, а именно работали, помогая друг другу и прикрывая в случае надобности. Теснимые шведы наоборот – орали, как бешенные, скалились и корчили зверские рожи. Чем-то они напоминали команду обезбашенных регбистов, с ревом рвущихся к воротам противника, и это зрелище могло легко напугать впе-

чатлительного человека. Однако, на невозмутимых русичей тактика нахлебавшихся мухоморной настойки берсеркеров не устрасила.

Нет, шведы вовсе не были сборищем клоунов, как это может показаться по моему описанию их излюбленной тактики. Дрались они знатно – агрессивно, напористо и бесстрашно. Это те из них, кто вступил в непосредственный боевой контакт с нашими дружинниками. Цель шведских берсеркеров была понятна – они пытались выиграть время для построения основных сил.

Сумевшие с помощью оруженосцев взобраться на коней, рыцари сверкающими башнями возвышались над колыхающейся нивой голов. Зловеще шелестели длинные клинки мечей, боевые топоры мерно поднимались и опускались. За бронированными машинами для убийства сновали пешие кнехты. Я невольно сравнил рыцарей с фашистскими танками, под защитой которых шли штурмовики-автоматчики...

Одна часть русских воинов оттесняла шведскую пехоту, состоящую частью из финнов и литовцев, а другая с помощью железных крючьев-багров сноровисто опрокидывала рыцарей на землю, которых ратники потом добивали ножами, вонзая клинки в щели между пластинами брони, или же пробивали клювами чеканов рогатые шлемы, круша вдребезги вражеские черепа.

Через сорок минут битвы сложилась такая картина: наша конница напирала на шведов, оттирая их подальше от кораб-

лей, а пехота пыталась опрокинуть ряды чужеземных десантников в разом помутневшие воды Ижоры. В тылу успевшего оправиться от первого удара русских врага действительно готовился контрудар – я заметил, что рыцари спешно сколачивали в бронированный кулак отборных меченосцев, но очаги сопротивления были разрознены.

Душа горела! Хотелось очертя голову кинуться в самую гущу схватки...

Меня отвлек раздавшийся за спиной нетерпеливый возглас. Обернувшись, увидел, как Александр Ярославич, приложив ладони ко рту рупором, что-то кричит, обращаясь к бьющимся на берегу дружинникам. Но разве могли они услышать его сквозь лязг боевого железа, истошные крики обозленных сражающихся, стоны раненых и визг лошадей?! Князь резко оглянулся, словно почувствовав мой взгляд, и, подзывая, махнул рукой:

– Сюда, ко мне, быстро! – Дождавшись, когда я подбегу к нему, хлопнул меня по плечу и распорядился, – Скачи, ратник, к правому крылу нашей пешей рати. Найди Илью Косолапого и передай ему, чтобы дал свейм отступить вон к той роще. Не надобно ему ловушку наглухо захлопывать... Ежели их меченосцы увидят для себя выход для спасения, то туда и ринутся, жизнь свою спасая! Опосля скачи к Гавриле Алексичу и повтори ему мой наказ!

Не совсем понимая задумку Александра Ярославича, я, тем не менее, кивнул и сломя голову помчался к своему ко-

ню Терминатору. На бегу глянул в сторону Федора. Тот махнул рукой в сторону берега, давая понять, что мне следует выполнить распоряжение князя.

Уже подъезжая к месту схватки, я все же вник в смысл маневра, который задумал князь. Если крысу загнать в угол, она теряет страх и кидается на врага с особой яростью... Но, если дать ей лазейку для бегства, то она будет думать только о спасении, забудет о сопротивлении, постарается улепетнуть и... нарвется на капкан! Просто и со вкусом...

В мешанине остроконечных шлемов разглядеть Илью возможности не представлялось. Я обнажил меч (сабля для такой рубки хлипковата), прикрылся щитом и направил коня в гущу битвы, громко выкрикивая имя Косолапого. Мой взгляд метался, выискивая среди шлемов тот самый, с красными полосами.

– Куды прешь, мать-тудыть-растудыть!.. – страшно прохрипел кто-то справа от меня. – Глаза раззявь!

Бешено вытаращившись, на меня орал искомый мною командир пехотинцев. Похоже, Терминатор слишком сильно пихнул ратника своим мощным крупом.

– Тебя-то мне и надобно, Косолапый! – обрадованно крикнул я. – От князя к тебе прискакал...

Старший пехотинец, вытирая рукавицей горячий пот с широкого лба, выслушал приказ Александра Ярославича. Переспрашивать не стал, а просто кивнул и, повернувшись, скрылся в плотных рядах ратников.

Теперь на очереди Гаврила Алексич. Еле выбравшись из плотной толпы пеших ратников, я направился в сторону левого фланга. Здесь все смешалось – поди разбери, где швед, а где русский... Рубка была в самом разгаре. И тут мне показались знакомыми очертания мощных плеч одного из всадников. Обрадованный, поспешил направить к нему своего коня.

– Гаврила! Послушай, Алексич! – Черная фигура никак не реагировала на мои призывы. – Да стой ты, Гаврила!

И тут всадник обернулся. Крестообразная прорезь в его шлеме напоминала прицел. Храмовник!.. Широкое лезвие боевого топора обрушилось на меня. Лишь в последний миг успел прикрыться... Если бы щит был деревянным, точно разлетелся бы – настолько сокрушителен был удар. Металл двадцать первого века, из которого он был изготовлен, выдержал. От неожиданности я на миг растерялся. Топор взметнулся снова.

Именно в этот момент Терминатор вспомнил, чему его учили и начал действовать автономно: издав утробный крик, он скакнул вправо, уводя меня из-под нового удара, встал на дыбы, а затем обрушиться передними копытами на корпус рыцарского коня. Тот едва не опрокинулся и осел крупом, чтобы восстановить равновесие. Его хозяин от неожиданности резко завалился назад и развел руки в стороны, невольно полностью открывшись. Надо быть полным идиотом, чтобы не воспользоваться такой возможностью. Острие моего меча

метнулось прямо в черную прорезь в шлеме крестоносца и вошло в него с противным хрустом. Голова рыцаря конвульсивно дернулась. Если бы я вовремя не выдернул назад клинок, то мог не удержать оружие.

Рядом послышался одобрителный возглас:

– Молодца! Только как ты здесь оказался, парень?

Стремительно обернувшись, увидел позади себя высоченного Гаврилу Алексича. Стальные пластины его юшмана были залиты кровью, но судя по широкой улыбке, запутавшейся в редкой бороде, кровь была чужой.

– Тебя ищу, Гаврила Алексич!

Пшеничные брови удивленно поднялись.

– Ась? На кой я тебе?

Тут его внимание отвлек шустрый кнехт, решивший, что наступил очень удобный момент для того, чтобы перерезать сухожилия на задних ногах богатырского коня. Гаврила взмахнул шестопером, и своей растянулся на земле с проломленным черепом, и шишак не помог.

– Ась? – повторил он свой вопрос, снова повернувшись ко мне, как будто ничего не произошло.

В двух словах я передал ему волю князя, а потом спросил:

– Как думаешь, если здесь останусь, князь не будет ругаться?

Гаврила засмеялся.

– Не-а, не будет. – Указав рукой в сторону леса, добавил, – Вишь, княже сам сюда уже скачет, неугомонный...

Но посмотреть в ту сторону я уже не смог, потому что в этот момент сразу несколько шведских латников во главе с двумя бронированными крестоносцами навалились на нас с разных сторон. Шестопер Гаврилы взметнулся вверх. Терминатор подо мной вдруг снова вздыбился, принимая удар копьем в центр железной пластины на своей груди. Я стиснул зубы и принял бой.

Свист многочисленных вражеских мечей со всех сторон поначалу обескураживал, и казалось, что отбить их все только лишь щитом было невозможно. Один из этих ударов – кажется топором – оказался настолько сильным, что, казалось, чуть не оторвал мне руку вместе с плечом. Яростно заорав, я запустил щитом в чью-то оскаленную рожу, выхватил из запястных ножен саблю и начал рубиться с наседавшими врагами с двух рук. Шведов было слишком много... Не хватало скорости! Мелькнула мысль – «Двигаюсь слишком медленно... Слишком медленно! Надо УСКОРИТЬСЯ!»

Мое сознание странным образом замерцало, и дальнейшие события запомнились только в виде ярких фрагментов, прерываемых краткими моментами черного небытия.

Состояние полной свободы, чувство растворения в битве, казалось бы, должно переполнять эмоциями. Но мое спокойствие убийственно, холодная ярость оттачивает каждое движение. Зрение вдруг обострилось, обзор увеличился, перемещения стали стремительны, удары смертоносны. А главное, я точно знаю, что мне надо делать, легко предугадываю,

как себя поведет в следующий момент противник и предвосхищая события, успевая первым нанести удар. Лишь мимолетное удивление окрашивало эмоциональный фон: от чего все вокруг стали вдруг двигаться, словно в замедленной кино съемке, в том числе Терминатор, Гаврила Алексич, другие дружинники?! Надо скорее! Скорее!!!

...Вырвав ноги из стремян, вскакиваю на широкую площадку спины своего замедлившегося коня и, оттолкнувшись, прыгаю! Вращаясь в воздухе вокруг собственной оси, успеваю срубить голову одному из меченосцев, а потом врезаюсь сложенными ступнями в закрытое забрало рогатого шлема рыцаря. Закованного в громоздкую грудку металлолома шведского воина сносит, как пушинку.

Провал...

...Рыцарь еще не успел грохнуться спиной на землю, когда я, легко увернувшись от необычно лениво летящей пики, падаю, сбивая с ног еще одного латника, мимолетом полоснув по его неприлично обнажившемуся горлу лезвием сабли и, уже приземлившись, перекатываюсь подальше от топчущихся на месте лошадиных копыт.

Провал...

...Нырять под живот коня второго рыцаря, выскакиваю с другой стороны, отбивая мечом топор, почти настигший шлем Ильи, а левой рукой, вооруженной саблей, отсекаю руку, сжимавшую его рукоять.

Провал...

...Откуда-то издалека слышен визг рыцаря, потерявшего правую кисть, но мне не до жалости: очередной кнехт хрипит, нанизанный животом на клинок моего меча... Удар влево! Что-то округлое с бульканьем отлетает в сторону, окропляя все вокруг себя алыми брызгами. Вправо! Еще! Быстрее!!! Блокирую мечом непростительно медленный выпад врага, подкравшегося сзади, бью в ответ!..

Провал...

Бешенный танец смерти! Кровавая бойня... жуткий свист клинков прерывает крики тех, кто попадает под траекторию их полета. Мелькают изумленные лица незнакомых русских ратников... Быстрее... Быстрее!!! Я, как танцор, в бешеном ритме отплясывающий на сцене битвы и оставляя за собой жуткий ковер из порубленных врагов. Мне жарко... Кажется, что от моего тела в разные стороны разлетаются ослепительные искры!

Двух клинков мало! Жаль, что человеческое тело оснащено только двумя руками... Я завидовал шестирукой богине Кали, но не отставал от нее в смысле репутации, то есть, сея смерть, разрушение и ужас...

...Где? Где вы прячетесь?! Сквозь кровавые всполохи вижу черные тени, в страхе разбегающиеся от меня... Куда?! Догнать! Я же обещал показать вам кузькину мать...

...Что это за звук – протяжный, басовитый? И кто это кричит за моей спиной?..

– Сто-ой!!! Угомонися, парень! Угомонися! Ужо врага

не осталось окрест тебя, а ты всё машешь...

Я замер. Мощные руки обхватили плечи, потрянули меня, приводя в чувство.

– Эй, поделикатней нельзя? – устало произнес я и с трудом высвободился из медвежьих объятий кряжистого ратника. – Да как не осталось? Сбежали, что ли, swei? А ты кто?

Рядом с иссиня-черным долгогривым конем стоял тот самый рослый воин, чье изумленное лицо я успел заметить во время схватки. Он-то меня и привел в чувство. Неподалеку топтался Терминатор, терпеливо ожидая, когда я о нем вспомню. Больше рядом никого не было. Кроме мертвых, разумеется.

– Сергием меня кличут... – представился дружинник. – Swei сбёгли, говоришь? Рази от тебя сбежишь? – Он осмотрелся. – Лежат вон...

На изрытой копытами земле вокруг нас скорчились в разных позах мертвые шведские воины – десятка два, а то и больше.

– Ого... Славно мы с тобой, Сергей, потрудились. – Заметив, что клинки в моих дрожащих руках, да и сами руки, были основательно вымазаны вражеской кровью, пробормотал растерянno, – И платочка у меня с собой нет...

Богатырь усмехнулся, недоверчиво прищурился.

– Мы с тобой? Нет, парень. Я только одного-то и успел достать, коему ты руку срубил начисто. Трoих Гаврила Алексич приголубил. А остальных... ты упокоил, в одново – всех.

Будто и не человек ты, а... Кто же ты, парень? Рази может обычный человек так биться?! Аки молния, око не уследит... – Говоря это, он вытянул из-под кольчуги кусок холстины. – На-кось, ототришь от кровяки-то.

Я послушался. Ткань была волглой от мужицкого пота, и это оказалось кстати – начавшая свертываться кровь легче отходила.

– Благодарю, Серёга. А где Гаврила Алексич, остальной народ?

– Да там они... – Он показал в сторону реки. Я оглянулся. Ратник продолжал объяснять, – Давеча рог трубил... Слышал? То князь знак подал боярину Доброславу Алексеичу, чтобы он со своей дружиной из засады по свейской рати вдарил. Тут-то всё закончилось... Малость спытались посупротивничать, а затем и сдалися, рытари свейские, слава Богу. И слава за то князю нашему, Александру Ярославичу!

– Невскому... – пробормотал я.

Сергий недоумевающе переспросил:

– Ась?

– Я говорю, слава князю Александру Ярославичу Невскому – отныне его следует называть именно так, Серёга.

Ратник одобрительно глянул на меня, удовлетворенно кивнул и устало улыбнулся. Небо над нашими головами светлело.

Глава 2

По рассказу очевидца, Александр Невский лично взлетел на коне по сходням на флагманский корабль и бился на мечах с самим Биргером. Я этого поединка видеть не мог. Дружинники говорили, что великан ярл схлопотал несколько хороших ударов и грохнулся с ног на палубу, а князь был вынужден отступить, поскольку на защиту ярла кинулась целая толпа свейских воинов. Наши ратники замешкались у сходней и не успели прийти князю на выручку, но ему удалось отбиться, кто-то из ближних дружинников на помощь подошел. Интересно кто? Как только Александр Ярославич отступил, корабль и отчалил восвояси.

Битва шведами была проиграна подчистую, большая часть десанта полегла на берегу и рассеяна по лесу. Свейские корабли от огневых стрел так и не загорелись – лишь немного пострадал такелаж. Сокрушительное поражение заставило малость покалеченного ярла отдать приказ об отступлении. Суда одно за другим поспешно скрылись за изгибом реки.

– Жаль Биргер погостить не остался, – смеясь, говорили ратники. – Однако же, наш князюшка его вдосталь гостинцами на путь-дорожку попотчевал! Уплыл, болезный, не солоно хлебавши...

На рассвете толпа набежавших жителей окрестных селе-

ний громко славил князя, но Александр Ярославич взмахом руки заставил всех умолкнуть.

– Славой возвеличили себя воины земли русской! Им за то и слава, и благодарность отечества во веки веков. Их величайте, люди добрые! Земной поклон вам, братья-богатыри! Позаботьтесь о павших героях, похороните их на берегу. Свеев убиенных снести в овраг и зарыть отдельно. Неча тут вонять...

Он повернулся лицом в сторону рядов выстроившихся дружинников, отвесил им земной поклон, перекрестил и, круто развернувшись, широко зашагал к шатру, где князя ожидали воеводы.

Вопреки опасениям, Федор не стал устраивать мне выволочки за то, что я, хотя и выполнил поручение князя, но не вернулся с поля боя сразу же, а своевольно ввязался в схватку со шведами. Сумрачно оглядев меня, он некоторое время помолчал. Потом буркнул, словно нехотя:

– Однако, начудил ты, Край... А говорил, мечному бою не обучен. Кожемяка про тебя сказывал, что ты обоеруко бился... Ась?

– То с перепугу, Федя.

– С перепугу... Ну-ну. Ладно, опосля поговорим. Сам-то, надеюсь, цел?

– Да вроде.

– Вот и слава Богу. Опосля поговорим, а пока подь, отдохни, кровяку смой. – И, уже направляясь к шатру, замедлил

шаг и добавил, – Валериан твой, с сотником Гордеем, отличились, слышь? Ежель б не они... Иван тоже...

Махнув рукой, он ушел. Я поискал взглядом Жана и заметил его и Милёну неподалеку от костра, где смерды готовили для уставших и проголодавшихся дружинников в огромном котле кашу.

– Кого я вижу! – Спецназовец пружинисто вскочил, облапил меня, похлопал по плечу. – Наслышан, наслышан. Силён, краевед. Йерой! А перемазался-то... Кровь чья? Надеюсь, не твоя... Ты ведь не ранен?

– Нет, хотя это просто чудо какое-то... Рубка была знатная! А ты, вижу, тоже не пострадал. Как отвоевался?

Он недовольно поморщился:

– Только и успел пару раз мечом взмахнуть, как они уже и сдались... Не вовремя Доброслав Алексеич со своей ратью на шведа навалился! Шучу...

Его подруга тоже подошла ко мне и, застенчиво улыбаясь, кивнула, давая понять, что тоже рада меня видеть.

– Ты чего киваешь, красавица? – спросил я. – Или уже разучилась разговаривать?

– Ништо... По привычке я... – смутилась она. Слова произносила еще неуверенно, запинаясь. – А Ваню ты не слушай, Край, врет он все. Был он в сече, да и в самой ее гуще! И князю сподручничал, когда на ладью свейскую его выручать полез... а после по лесу потом гонялся за свеями утёкшими.

– Так это ты князя на корабле прикрыл?! Рассказывай.

Жан махнул рукой.

– Потом как-нибудь. Да что про меня да про меня... Вот о себе Милёнка ни словечка не сказала! – заметил довольный спецназовец. – Скольких шведов положила, не считала? Сначала из лука их щелкала, а потом, когда стрелы закончились, в самое пекло сунулась! Хорошо еще, что я рядом оказался, прикрывал ее, амазонку.

Милёна махнула на него рукой.

– Не слушай его, Край. Врет он все. Лучше сними-ка с себя одёжу, постираю. Ручей недалече...

– Верно! – поддакнул ей Жан. – А то весь в кровище. Народ распугаешь.

– Кого, ратников распугаю? Шутишь? А вещи я сам постираю. Милёна устала, небось. На мне столько железа... Куртку под кольчугой, исподнее хоть выжимай – пропотел, как в парилке. Спасибо, конечно, но... – В этот момент я вдруг вспомнил о майоре и последних словах Федора. – А где Гром? Говорят, отличились они с Рысью.

Жан пожал плечами.

– С ними пока непонятка. Под охраной сидят – до выяснения обстоятельств. Тебе не сказали, что они предотвратили покушение на князя?

– Нет.

– Пойдем со мной к ручью, посвящу тебя в подробности.

Я разделся, выкупался в ручье. Мышцы подрагивали, отходя от напряжения, горели огнем. Потом старательно отмы-

вал в ледяной проточной воде от присохшей крови оружие. Спецназовец помогал – забрал кольчугу, погрузил ее в воду и отдраивал металлические чешуйки песком. Между делом он поведал о том, что произошло с Громом и Рысью.

Там, на поляне, когда мы готовились к отправке в княжеский лагерь, именно майор помог сотнику сбежать из-под охраны – в чем я, впрочем, и не сомневался. Не знаю, что же такого рассказал ему Рысь, когда они вдвоем ехали к месту нашей встречи на берегу Ижоры, но, видимо, спецназовец ему крепко поверил. Не остановило даже то, что сам он был на подозрении у боярина Доброслава Алексеича – как мог Валериан вернуть предателю личное оружие?!

Я перебил Жана:

– С этим всё понятно. Лучше расскажи, как они князя умудрились спасти? Я о покушении.

– Всё-всё, перехожу к самому интересному...

И вот что мне поведал Иван – в своей дурашливой манере...

...Освободив Гордея, майор отвел его подальше в лесок и посоветовал, не мешкая, валить из страны за бугор, то бишь, в Польшу. Но Рысь заартачился, проявляя сознательность и благородство истинного джедая.

– Валериан, ежели я сбегну, тебя князь точно казнит, – сказал он, честными глазами глядя на своего спасителя. – А по сему, остаюся здесь и точка! Отечество в опасности!

Гром конечно оценил жест раскаявшегося предателя:

– С дуба рухнул?! Останешься здесь – по приказу князя мигом упакуют в деревянный макинтош! – А потом предложил ему следующий вариант дальнейших действий, – Тебе надо как-то реабилитироваться в глазах общественности, сечешь? У меня есть план. Как ты думаешь, куда побежит фон Данхель, которого по нелепой случайности упустил Жан?

– Стоп! – Я не выдержал и прервал повествование Жана и, саркастически улыбаясь, уточнил, – Гром так витиевато и выразился – «по нелепой случайности»?

Спецназовец кашлянул и отвел взгляд.

– Ну, не совсем так... Да что ты к словам цепляешься?! – Он еще яростнее стал тереть кольчугу песком. – Лучше послушай, что было дальше...

...итак, Рысь пожал плечами.

– Куда побежит фон Данхель? – А потом бывший сотник вдруг настороженно глянул на загадочно улыбающегося Валеру и предположил, – Сюда, что ли?

– А куда еще?! Рыцарь знал точно, что его непосредственный начальник Биргер готовится высадить десант в устье Ижоры. Следовательно, это единственное место, куда после побега он должен явиться. Логично?

– Не совсем, – засомневался Гордей. – Фон Данхель не справился со своим заданием, потерял людей! Из-за него секретная информация стала известной князю... Да Биргер ему за это точно башку оторвёт! Нет, Валериан, просто так рытарь на свою погибель навряд ли сюда явится. Поэтому...

– Поэтому рыцарь должен как-то исправить последствия своего провала? – закончил его мысль майор. – И как же?

Помолчали, размышляя. Догадка пришла одновременно к обоим.

– Он собирается завалить князя Александра! – воскликнул Гром.

– Он собирается умертвить князя Александра! – воскликнул Рысь.

Потом они переглянулись и решили, что убийцу надо остановить.

– Никто, кроме нас! – гордо выпрямившись, воскликнул майор спецназа ГРУ...

– И снова стоп! – запротестовал я. – Куда тебя несёт, капитан Карандыш? «Никто, кроме нас!»... Что, прямо вот так он и провозгласил, при этом еще и «гордо выпрямившись»?! А Гордей потом в обморок не упал с перепугу? Понимаю, художественный вымысел, но... Грому, в твоём изложении, стало разбить об башку (свою, разумеется) бутылку и прыгнуть в ближайший фонтан. Ладно, суть повествования я уловил. Можешь изложить кратко и не так пафосно? Итак, они разгадали коварный замысел фон Данхеля. И как же они его нашли?

Жан отложил в сторону мою кольчугу и обиженно буркнул:

– Отмыл, кажется. Я тебе от всей души излагаю, чтоб покрасивше, а ты... А-а-а! Ты чего?!

Это я брызнул в его сторону холодной водой.

– Давай, рассказывай, как получается, Петросян плюшевый... И все же поторопись – совсем темно уже стало, да и спать хочется.

Отряхнувшись, он буркнул:

– Собственно, это всё, что я на данный момент знаю.

Я оторопел.

– Как всё?

– А вот так. Дружинники, их отловившие, рассказали, что в Александра Ярославича стреляли из арбалета. Откуда фон Данхель его взял?! Болт пролетел слишком далеко от князя и воткнулся в бедро его коня. Валера с Гордеем успели в самый последний момент и не дали рыцарю толком прицелиться. Набежали ближние дружинники, а ребята уже волюют повязанного крестоносца. Вот их всех и посадили под охрану, до особого распоряжения.

– Дела... Ну а ты?

– Что я?

– Ну как ты князя выручил? Милёна говорила, на корабле что-то там случилось... Рассказывай.

– Да ладно тебе... – Иван зевнул. – Потом как-нибудь... Идти уже надо.

– Ну, как знаешь...

Постирав штаны, а также плотную кевларовую куртку и рубаху, которые перед боем надел под кольчугу, я облачился в чистое.

– Пошли назад, каша остынет. – Жан поднялся, закинул на плечо мою кольчугу. – Не видно не зги... Не переломать бы ноги об корневища.

– Держись за мной – у меня зрение, как у кота.

Я поднял с песка отмытую до блеска саблю, вложил ее в ножны. Потом потянулся за мечом. Месяц только родился, но небо было чистым и, вопреки моим опасениям, тропа под ногами ясно просматривалась. Жан уверенно зашагал впереди меня.

– А про свои подвиги рассказать не хочешь, Край?

– Какие еще подвиги?

– Такие... – Он оглянулся и посмотрел на меня странным взглядом. – Мужики говорят, что ты там чуть ли не роту шведов в одиночку положил. Запросто так... Опасаются теперь они тебя: то ли ты с нечистым снюхался, то ли явился к нам ангелом в людском облиии. Утверждают, что ты дрался так, как ни один человек на земле драться не сможет. Что скажешь, герой?

– Сам не знаю. Наверное, с перепугу. А к чему этот допрос?! У тебя что, такого никогда не было, что ли? – И, решив перевести все на шутку, добавил, – А, может, в меня твой знакомый спецназовец Индус вселился? Помнишь, ты мне про него легенду рассказывал? Говорил, что он частенько к вам на выручку приходил, даже после геройской смерти. А?

Спецназовец промолчал, лишь загадочная улыбка про-

мелькнула на его лице.

Еще издали почуяв аппетитный запах, я вдруг понял, что очень хочу есть. Каша вперемешку с большими ломтями оленины оказалась невероятно вкусной. Организм требовал восполнения энергии, потраченной в бою. Глиняная миска была вместительной, но мне все равно оказалось мало одной порции, да и двух не хватило – сходил за третьей. Жан с Милёной озадаченно смотрели на то, как я жадно поглощал горячую кашу, и переглядывались.

– Кушать сильно захотелось... – бормотал я извиняющимся тоном, но было не до политесов.

– Кушать, говоришь? Скорее, жрать... – саркастически заметил Карандыш.

Наконец, насытившись, я привалился спиной к стволу березы, непроизвольно рыгнул.

– Упс... прошу прощения. Все, ребята, вы как хотите, а я спать... Сил не осталось...

И, улегшись прямо на мягкую траву, моментально уснул. Даже не заметил, ответили мне что-нибудь Жан с Милёной, или нет.

Проснулся от похлопывания по плечу. Милёна протягивала мне наполненную до краев братину.

– Квасу испей, Край.

Покряхтывая от боли в мышцах и зевая, я уселся, снял с себя холстину, которой заботливые друзья укрыли меня, спасая от мошкары. Ледяной забористый напиток обжег гор-

тань, прогнал сонливость.

– Ух, спасибо! Откуда квасок? – Я утерся рукавом рубахи и вздрогнул всем телом. – Ядреный какой...

– Тут недалеко деревенька, – ответил Жан. – Благодарные жители в полдень принесли на обед угощение победителям, в том числе и квас. Хмельного меду тоже... Но Доброслав Алексеич бухать пока запретил – опосля, говорит, когда вернемся в Новгород. Поэтому пьем вот этот хлебный напиток.

– В полдень? – Подняв взгляд, я увидел, что солнце уже было довольно высоко. – Сколько же я проспал?!

– Вечер уже скоро... – Милёна забрала у меня пустую посуду и куда-то ушла. Может, за едой отправилась?

– Почти сутки... А разве мы не в Ладогу сейчас поедем? С князем?

Спецназовец отрицательно покачал головой:

– Александр Ярославич уже уехал в Новгород. А мы... Не знаю я, куда мы направимся. Боярин велел нам сидеть здесь и не дергаться – ждать, значится, дальнейших распоряжений, – ответил Жан. – Ты спал, как младенец, поэтому не слышал, как на рассвете гонец прискакал. Вроде как богатые новгородцы снова воду мутят, уроды... Это мне Федор шепнул, прежде чем с ближними вперед князя в Новгород отправиться. Помнишь Любослава, который участвовал в заговоре против князя? Его, кажется, свои из заключения освободили.

– Кто это «свои»?

– Новгородские бояре-сепаратисты. Федор так и сказал, мол, толстосумы мутят народ. Поэтому, прежде чем князь войдет в Новгород, по замыслу Доброслава Алексеича первыми в городе должны оказаться ближние дружинники с Федором во главе, чтобы заблаговременно разнюхать обстановку и предупредить князя, если что... Только я не уверен, что Александр наш, горячая голова, сразу же рванет боярскую шушеру на место ставить. Чем это может закончиться?.. Резнёй! А гражданская война никому не нужна...

– Не нужна, это точно. Однако, князь здравомыслящий для своего возраста человек. Ему гражданская война сейчас не нужна. Тем более, что, если верить историкам из нашего времени, крестоносцы ливонского ордена после победы князя у Невы попытаются взять реванш. Помнишь инок Евстафия? Немцы давно уже гуляют по нашим землям в районе Пскова. Вот теперь-то они ударят уже посерьезнее, с размахом... – Я немного подумал, потом, понизив голос, заговорил о другом, – Нам нужно срочно наладить связь с базой. Сколько уже времени прошло, а от них ни слуху ни духу. Что там происходит? Как себя чувствуют наши раненые – Леший, Рогун? Этот воин ислама Камран тоже вызывает опасения...

– Не мельтеши, Край, Медведь свою работу знает. Уверен, у него все под контролем. Меня больше интересует, чем там занимаются наши ученые? До сих пор не пойму, остаемся мы здесь, или все-таки вернемся в наше время? Знать бы точную

дату отправки!

Я посмотрел в ту сторону, куда ушла Милёна.

– Если мы отсюда исчезнем, с ней что будет? Думал над этим?

– С собой возьму, – отрубил он. – И пусть кто-нибудь хоть слово против вякнет!..

– Даже Медведь?

– А что Медведь? Полковник тоже человек. Иногда. Шучу... Медведь поймет, он нам как батя.

– А с ней об этом говорил?

Жан вздохнул.

– Ну... конкретно не предлагал. Рассказывал ей о нашем времени. Только она думает, что это просто красивая сказка. А вообще-то она у меня как была молчуньей, так и осталась. Я-то думал, что теперь, когда снова речь обрела, ее не остановишь... Всё! Решение принято, Край, с собой ее возьму, и точка.

– Ох, не знаю... Она девушка хорошая, слов нет. Только, приживется ли у нас?.. Образ жизни, менталитет и всё такое... Представь ее на лабутенах, да на выставке Ван Гога? Ну-ну, не дергайся, я тоже иногда шучу, по средам... Кроме того, уверен ли ты, что если мы опять переместимся во времени, то где гарантия, что попадем именно домой? А вдруг занесет к динозаврам в гости, где в сортир только с гранатометом ходить? Думаешь, понравится твоей подруге в мезозое?

Спецназовец не ответил, потому что вдруг посветлел лицом, и, глядя мимо меня, восторженно заорал:

– Гром! Какими судьбами?!

Я оглянулся. К нашему биваку шел улыбающийся майор. Мы встретили его крепкими рукопожатиями и братскими похлопываниями по крутым плечам.

– Стало быть, реабилитировали тебя, Гром? – спросил Жан. – А что с Гордеем?

– Погоди с расспросами, – перебил его я. – Человек, наверное, проголодался. Сначала пообедаем...

Валера покачал головой:

– Нас покормили досыта, даже налили по стопке. Рысь сейчас должен подойти. Выволочку он, само собой, от руководства получил, с занесением... Но Александру Ярославичу не до бывшего сотника. Знаете наверное, отбыл князь по каким-то срочным делам.

– Бывшего сотника? – уточнил Жан.

– Ну да, Доброслав Алексеич сместил его должности и отдал нам на поруки.

Я удивился:

– То есть, его повысили? Ближним дружинником назначили?

– Нет.

Гром огляделся, присел на траву, вытянул ноги. Мы присели рядом.

– А кем тогда? – продолжал допытываться я.

– Будет при нас вроде как ординарцем. Вернее, при мне. Под мою юрисдикцию отдан, под личную, так сказать ответственность. На перевоспитание. Такое ему наказание. Гордей, он ведь свое имя оправдывает – гордец. Отрастил себе непомерно завышенное эго. Вот и решил боярин его приземлить.

– А Гордей-то как воспринял такую канитель?

– От радости не пляшет, но и в отказ не пошел. Я отправил его наших коней напоить – пёрышки встопорщил, но пошел как миленький, якобинец хренов...

Я покачал головой. И все-таки Рысь, хоть и упал с высоты своего положения, но приземлился на лапы, котяра...

– Так, с бывшим сотником все ясно. – Я решил перевести разговор на другую тему. – Мне интересно, как ты фон Данхеля повязал. Жан что-то пытался мне рассказать, но так бездарно запетросянил, что лучше будет, если ты сам расскажешь.

Жан поджал губу, однако смолчал. Подобрал из травы какую-то палку и начал вертеть ее в руках, рассматривая с превеликим интересом. Майор усмехнулся.

– Не я Данхеля взял – Гордей таки отличился. Ему-то уж точно надо было реабилитироваться... Я только выследил рыцаря, но сделать ничего не успел. Откуда только крестоносец арбалет с болтами нашел? Гляжу – прячется, сука, за валуном, и целился в князя. Гордей – реально рысь! – на него как кошка налетел. Арбалет отнял, по чавке успел пару раз

впечатать. Тут уже сначала я подросел, а потом и дружинники навалились...

Вернулась Милёна, ласково улыбнулась Грому.

– Здравствуй, Громушка.

Он улыбнулся в ответ, качнул головой в знак приветствия.

– Здравствуй, Милёна.

– Как думаете, – задумчиво произнес Жан, – что теперь князь собирается делать? Край, как думаешь? Что там, в учебниках истории напишут наши ученые современники?

Я пожал плечами.

– История об Александре Невском не изобилует подробностями. Летописцы склонны к преувеличениям и художественному вымыслу, а ведь именно на основании их творчества пишутся учебники. Если память мне изменяет, согласно историческим справкам, князь пробудет в Новгороде недолго. Местной верхушке его триумф словно кость в горле... Побоятся они того обстоятельства, что после успешного разгрома свейского десанта он станет слишком популярным в народной среде. Новгородским боярам народные герои не нужны... Это же прямая угроза их власти! Видишь ли, князь помешал их планам. Именитые новгородцы ждали Биргера с хлебом-солью, да распростертыми объятиями, а Ярославич отвесил шведу волшебного пенделя...

Жан в сердцах переломил палку и запальчиво повысил голос:

– Я одного не пойму: Александр Ярославич по-местному

званию князь, а не какое-нибудь... хухры-мухры! Что ему какие-то там бояре? Табель о рангах не для них что ли написана? Князь-то покруче боярина будет! Где, мать их, субординация?! Как они могут диктовать ему свои правила? А тем более выгнать из города?! У него ж боевая дружина! Да я бы на месте князя...

Всплеск эмоций Карандыша прервал Гром:

– Ша, капитан! Отставить нервы. Табель о рангах еще не скоро на Руси появится, Ваня, историю надо знать.

– Ну так поясни мне, неучу!

Но учить Карандыша у Грома пока не получилось. Неожиданно в дальнем конце поляны я увидел знакомую атлетическую фигуру в полной боевой экипировке – в кольчуге и шлеме, с пояса свисал меч в ножнах. Никак Гордей?! Вернули, значит, оружие... Он скорым шагом подошел к нам.

– Вот вы где... Боярин вас кличет, ратники. Велел поспешать.

– Нас? А тебя? – спросил удивленный Жан.

Рысь отвел взгляд.

– А меня не звал... Я ишшо в доверие не вошел.

– Что же, ему виднее, – заметил Гром. – А для чего он нас кличет, не знаешь?

– Не говорил. Но, по всему видно, дюже важное дело у него к вам.

Я задержался, дожидаясь, когда спецназовцы и Милёна отойдут и потом спросил у Рыси:

– А что с Данхелем? Не казнили еще?

Бывший сотник пожал плечами.

– Помяли рытаря маленько, но жив пока. Его в Ладугу отправили. А что с ним далее удумают делать, про то мне неведомо.

Глава 3

Доброслав Алексеич указал нам на чурбаки, служившие табуретами. Обстановка в шатре была более чем скромной – кроме упомянутых чурбаков я увидел большой грубо остроганный стол, заставленный посудой – керамической, деревянной и металлической, а также я заметил ларец, инкрустированный яхонтами. В дальнем углу прямо на примятой траве лежали шестоперы, боевые топоры, щиты, на концы воткнувших в землю копий надеты шишаки.

– Поели? – спросил боярин. Его взгляд был устремлен на меня.

– Успеется, Доброслав Алексеич. – ответил я, усаживаясь. – Вызывали?

– Звал... – Он сурово глянул на Милёну, которую Жан, не раздумывая, решил взять с собой. – И ты здесь?

Девушка, продолжавшая стоять у самого выхода из шатра, молча смотрела на боярина, ожидая, что он ее сейчас выгонит. Жан, успевший занять один из импровизированных табуретов, вскочил на ноги. Об эмансипации в эту эпоху еще никто не знал... Но боярин вдруг осклабился, от чего вдруг стал выглядеть как любимый дедушка, ласково журящий внучку, и, погладив бороду, покачал головой:

– Ишь ты... молодница. Наслышан, чего ж... Ратники, кои видели тебя в сече, говорят, билась знатно, ась? И луком ис-

кусно владеешь, и мечом тоже. Слыхивал я от князя, что были такие девки в стародавние времена, злые в ратном деле... Мазонки, что ль, звались? Тоже, говорит, хорошо воевали. Думал, брехня все это... Ан нет, вот же, стоит воительница! И дружиннику укорот дала – даром что Крапивой отныне и вовек дразнить будут, хе-хе... Ишь ты... Ладно, садись, чего уж там. И ты, Иван, тоже присядь. Вижу – за девицу свою хотел слово молвить... Дак я не против! Так что, охолонь, парень, не пужайся за нее.

Спецназовец повеселел:

– Спасибо, боярин.

Когда все расселись, Доброслав Алексеич несколько раз кашлянул, прочищая горло. Потом взял со стола двумя руками наполненную хмельным медом братину, отхлебнул и протянул мне.

– Прими-кось... Слыхивал я и про твою боевую сноровку, про обоерукость, да про быстроту молниеносную. Кожемяка рассказал... – Взгляд боярина стал пронизывающим. – Почто сразу свое умение не раскрывал?

Я принял посудину, благодарно кивнул, отпил и потом передал ее Грому. Утершись, ответил:

– Не верьте, Доброслав Алексеич. С перепугу я... Просто повезло. И Федор кое-чему обучил...

Он недоверчиво хмыкнул.

– Повезло... Ладно, будем так считать, коли говорить не желаешь. Но, ежели ты такой везучий, то быть тебе промеж

друзей твоих старшим.

Майор поперхнулся и закашлялся. Жан забрал у него посуду с медом и сочувственно похлопал по спине.

– Старшим над кем? – Я поочередно посмотрел на Грома и остальных спецназовцев. – Над ними?

– Над ними... – голос боярина стал сварливым, – Не успели объявиться, а уже делов наделали... И сотника Гордея на переметничестве поймали, и князюшку от неминуемой смерти спасли, при том не раз... И всё это тоже «с перепугу» небось?! Али от чудесного везения?!

Мы молчали, потупив взоры, как напавшие первоклашки. Милена покраснела, еле сдерживая смех. Воевода покряхтел для острастки, хотя видно было, что и сам поржал бы сейчас над нами всласть, потом продолжил, рубанув воздух ребром ладони:

– Вот потому-то, что шибко удалыми воями оказались, у вас теперь будет важное поручение от князя.

– Валера старше меня, и опытнее... – произнес я, но осёкся. До меня вдруг дошло о чем говорит Доброслава Алексеевич... – Какое поручение?!

– Тише ты! Не горлань, не на вече, чать... Поручение важное, а самое главное, тайное. Отправитесь в псковские окраины. Никто посторонний не должен знать, по какой надобности вы направляетесь в ту сторону, понятно?

– Это понятно, – ответил за всех Гром. – Но, если вдруг придется как-то обозначить, для чего мы туда едем... Что

тогда говорить?

– Придумайте что-нибудь. Куда могут держать путь вооруженные всадники? Охранять в дороге какой-нибудь обоз, или желая вступить в дружину местного боярина... Мало ли... На крайний случай я кое-что придумал. – Голос Доброслава Алексеича стал строже, – Не о том речь пока, Валериан. Выслушайте меня, не перебивая.

Мы затихли, ожидая продолжения. Жан протянул брати-ну Милёне, но она отрицательно покачала головой.

Боярин продолжал развивать начатую им тему. Он вдруг напомнил нам о Евстафии и предыстории появления монаха в Новгороде.

– Инок тогда поведал нам о том, как рытари зорили села и монастыри в псковских землях. Я так разумею: ливонцы не просто так безобразничают в тех краях. К самому Пскову подступились, собаки, осадили город... Ведь именно их главный магистр Андреас фон Вельвен склонил свейских рытарей на Ладогу идти. Крестоносцы думали, что Биргер скрытно выдвинется, но ярл, спесивая душонка, нашему князю грамоту прислал, что пошел на Русь войной – то нам на руку оказалось. Александр Ярославич и прежде об этом был предупреждён. Вот и ты, Край, тоже с вестью о готовящемся нападении к князю появился, помнится. И про замыслы змеиные бояр новгородских – тоже ты предупредил. Они, окаянные, тогда нашего князя и впрямь погубить собирались. А именно – Любослав, пропади его душонка! Вовре-

меня спознали... Доберусь я до него... – Боярин, так ударил крепким кулаком по столешнице, что вся посуда подпрыгнула, мед расплескался. Доброслав Алексеич взял братину и несколько раз шумно глотнул, утерся, потом продолжил, – Разберемся и с этим. Слушайте дальше. Да-а... Бахвальство свейского короля его самого и подвело под удар князевой дружины. И вот хочу сказать вам о главном – о поручении князя. Решил Александр Ярославич отправить верных людей, как я уже говорил, в псковские земли. Надлежит вам проследить за рытарами и узнать, что они собираются делать далее. Ежели, скажем, крестоносцы пошालят по селам и уйдут восвояси – это одно... Тогда можно и малой дружиной обойтись. А ежели они всерьез войну затеяли, ждут подмоги из своих земель, силы накапливают, то это дело другое – иных ответных мер требует. Ваше дело – разузнать все в подробностях, а потом известить нас с Александром Ярославичем. В бой – без особой надобности – не ввязываться! Не для того посылаю.

Он замолчал, вопросительно глядя на нас. Я подумал – если бы Доброслав Алексеич знал, как же они с князем оказались правы, решив послать в качестве лазутчиков не кого-нибудь, а нас, спецназовцев главного разведывательного управления России будущего! Более компетентных специалистов на этой планете в данное время просто не существует...

– Когда отправляться, Доброслав Алексеич? – спросил я.

– А вот отобедаете и сразу в дорогу-то и отправитесь.

– Маршрут мы сами выбираем, боярин? – осведомился Гром.

– Что?

Я поспешил вмешаться:

– Он хотел сказать, дорогу, по которой в псковские земли добираться, мы сами выбираем, или вы укажете?

– Сами... Дорог туда немного. Ладьи в Ладогу ушли, так что посуху пойдете, так оно скорейше будет. Запасных лошадей возьмите. Денег дам. Еды сколько надо возьмите. И вот еще... – Боярин сунул руку за пазуху, достал блестящую металлическую бляху и протянул ее мне. – Это будет вам как Слово княжеское в помощь, ежели помеха какая будет. Спрячь надежнее, не потеряй. Сам князь Александр Ярославич велел тебе передать.

– Лично мне? – Я был польщен. – Благодарю за доверие...

– Меду боле не предлагаю – вам здравая голова перед дорогой нужна.

Эти слова были намеком на то, что аудиенция закончена. Мы дружно встали.

– Благодарим тебя, боярин, за угощение, – торжественно произнес Жан. И пылко добавил, – Не подведем!

Ему осталось только заорать «Никто кроме нас!»...

Мы стали по одному выходить из шатра. Доброслав Алексеич вдруг позвал:

– Край! Погодь...

Я остановился у выхода, удивленно оглянулся.

– Что, боярин?

– На вот... – Он достал из ларца и протянул мне два увесистых кисета. – Серебро, как обещал, на дорожные надобности.

– Благодарю, Доброслав Алексеич. – Я взял у него деньги и замер у порога.

Он удивленно посмотрел на меня.

– Что-то еще?

– Валера интересовался у тебя, боярин, как нам оправдывать перед людьми нашу поездку... Я вот что подумал: ты сам упомянул Евстафия. Так может быть, нам все-таки стоит заехать в Новгород? Поговорю с иноком и если он уже не отправился, как собирался, назад в живицкий монастырь, то нам в самый раз будет забрать его с собой. Он и дороги в псковских окрестностях знает, и нам оправдание – охраняем монаха. Как думаешь?

– Одного простого монаха охраняют ажно четверо ратников? – засомневался боярин. – Не многовато?

– А мы пару телег купим, лошадей, товар какой-нибудь... Денег-то вы порядком отвалили. Так и так, мол, инок с монастырским добром возвращается, охрану нанял. Может, еще какой-нибудь обоз попутный попадется – вместе, народом, сподручнее будет.

Он усмехнулся.

– Ну что ж, придумано дельно. Дозволяю в Новгород за-

ехать, за иноком Евстафием. Передай ему... Да ты и сам знаешь, что сказать монаху. Он разумный человек, поймет. Только недолго там, Край, слышишь? – Я кивнул, но Доброслав Алексеич показал мне знаком, чтобы я не торопился уходить. – Погодь... Кое что я хотел узнать у тебя. Это ты князя новым прозванием окрестил – Невский?

– Откуда, боярин, узнал?... А, ну да... дружинник Сергей тебе доложил. – Я помолчал, глядя прямо ему в глаза. Потом просто сказал, – Не я, Доброслав Алексеич, а народ Александра Ярославича Невским окрестил. Благодарный российский народ. На века!

И, повернувшись, вышел под задумчивым взглядом седого военачальника.

В Новгород добрались без приключений. Если не считать то, как на наше появление реагировали встреченные по пути люди. Весть о победе распространялась на удивление быстро – и это без всякого интернета. Основным средством массовой информации здесь были новости, разносимые путниками. Поэтому, при виде всадников в полном боевом облачении, народ бурно приветствовал своих героев. На стоянках у нас постоянно выпрашивали подробности о невской битве, говорили добрые слова. Было даже как-то неудобно...

«Нашей победе»... Трудно было свыкнуться с мыслью о том, что мне и моим товарищам выпала уникальная возможность видеть собственными глазами битву, упоминание о которой останется в летописи, как об одном из ключевых собы-

тий истории древней Руси. Тексты из школьных учебников оживали перед глазами. Причем, нам довелось быть не просто зрителями – ведь эта победа ковалась и нашими руками!

По дороге несколько раз пытались связаться с базой, но рация молчала. Кстати, о боевом облачении: дни стояли знойные, засушливые и мы просто изнемогали в имеющейся у нас одежде, но другой не было. Поэтому Гром, которого мы все равно считали старшим в группе, несмотря на мое повышение, устроенное боярином, предложил по приезду в город первым делом посетить местную ярмарку и приобрести нормальную одежду местного фасона.

– Правильно – поддакнул Жан. – А то восторженные фанаты нас скоро на сувениры раздерут... А так хоть с толпой смешаемся. Да и в баньку не мешало бы сходить. В этой железной чешуе я совсем запрел.

На том и порешили: купить одежду, найти какое-нибудь пристанище, чтобы привести себя в порядок и найти в городе Ефстафия, если он еще здесь.

– Вот на ярмарке и найдем кого-нибудь из местных, кто на постой берет, – заметил Гром. И добавил, – и поесть нормальной пищи. Сколько мы уже в этом времени находимся? А до сих пор местных разносолов не пробовали – гробим желудки походной кухней... Надо в какую-нибудь местный ресторан наведаться. Интересно, есть тут такие?

– Есть, только не ресторанами они называются, – отозвался я.

Мы привлекали к себе внимание, к которому уже стали привыкать. Люди останавливались, приветствовали, благодарили за победу. За нами увязалась стайка мальчишек. Они с восхищением рассматривали боевых коней и наше вооружение. Особенно их заинтересовала Милёна. Мало кто из встречавшихся нам по дороге смог признать в молодом воине девушку. А, вернее, никто и не признал. Безусого, безбородого паренька в кольчуге с луком и колчаном воспринимали кем-то вроде оруженосца, сопровождающего взрослых ратников.

Один из мальчишек, видимо, самый смелый, привлекая к себе внимание, похлопал ладошкой по продетому в стремя сапогу девушки.

– Вой, а вой! Дашь меч подержать-та, ась?

Милёна посмотрела на него, потом на Жана, как бы ожидая от него помощи.

– Конечно даст, паренёк, не вопрос! – весело ответил за нее спецназовец. – Только ведь такое право надо заслужить, как ты думаешь? Как тебя звать-величать, парень?

Мальчонка задохнулся от радости и глянул на своих приятелей, проверяя, видели ли они, что с ним заговорил настоящий княжеский дружинник! Потом ответил:

– Прошкой!

– Ну, здравствуй, Прохор. А меня зовут Иваном.

– Иваном... – восхищенно повторил мальчишка. И, спохватившись, спросил, – А как заслужить-та, боярин?!

– Какой я тебе боярин... Как заслужить, говоришь? А вот покажи нам дорогу до ярмарки, а там поглядим. Отведешь?

– Отведем! Чего ж не отвести! Тут недалеко... – Отрок выпрямился, посуровел, принимая на себя груз великой ответственности. – Едь за мной, не отставай! Только смотри, не обмани!

– Слово офице... княжеского дружинника! Зуб даю!

– Зуб?! – Пацан недоумевающе замер. – Зачем мне зуб?

– Клянусь, значит, зубом своим. Давай, веди уже.

Счастливый Прошка удовлетворенно кивнул. Он степенно зашагал вперед, преисполненный чрезвычайной важностью возложенной на него миссии. Остальные сорванцы от нас тоже не отставали, но на роль гида никто из них не претендовал, признав это право за своим товарищем, которого дружинник назвал Прохором – как взрослого! Удивленные прохожие останавливались и провожали нашу кавалькаду взглядами.

Когда мы добрались до торговых рядов, Жан сдерживая обещание, обратился к Милёне:

– Дай мальцу меч подержать. Прохор честно заслужил свою награду.

Мальчишки окружили приятеля и с завистью смотрели, как он с гордым видом принял из рук девушки настоящий боевой меч. Внимательно рассмотрев его, Прошка, пошлюнив палец, потрогал режущую кромку клинка, потом несколько раз взмахнул им в воздухе.

– А свеев много побил-та этим мечом, а вой?

– Считай, половину войска, – ответил я за Милёну, продолжая выдавать ее за мужчину. – А вторую половину из лука перестрелял.

Прошка, возвращая Милёне оружие, солидно крикнул, видимо подражая кому-то из взрослых, и заметил:

– Шуткуешь... А лезвие поправить бы надоть, ибо туповат, меч-та... И больно легок – щита не пробьёт ни в жисть.

Мы удивились.

– Откуда так хорошо в оружие разбираешься, отрок? – поинтересовался я.

– А он к броннику Сергию кажинный день бегают, помогают! В ученики просится! – ответил за Прошку один из мальцов.

– Броннику?... Понятно, значит, кузнецом хочешь стать... Похвально, – одобрительно произнес Гром. – Еще одно поручение вам будет, ребятишки. За лошадьми нашими пригляд нужен, пока мы по ярмарке пройдемся. Посмотрите?

Мог бы и не спрашивать... Мальчишки с радостью согласились.

Я протянул нашему gidу монетку:

– Держи, леденцов на всю свою ватажку купи, чтобы не скучно было охрану нести.

– Не-е... – Прошка покраснел и отдернул руку. – Не надоть...

– Держи, я сказал!

Деньгу пришлось всучить чуть ли не насильно. Привязав коней к столбам, специально для этой цели вкопанным в землю, мы пошли делать покупки.

Потолкавшись среди покупателей и продавцов, приобрели одежду, обувь и кое-что по мелочи. Гром спросил у одного из продавцов, где здесь можно перекусить и выпить по чарке горячительного. Следуя полученным указаниям, мы быстро нашли требуемое заведение и вошли внутрь.

В помещении было сумрачно, пахло едой, дымом и брагой. Народу за столами было немного. Мы с Милёной и Жаном сели за пустующий стол, а майор отправился разговаривать с хозяином кабака, который стоял возле полок, заполненных посудой.

Жан, заговорщицки подмигнув, попросил денег.

– На что тебе? – сварливо-бухгалтерским голосом осведомился я.

– Я там видел женские наряды продают... В общем, сюрприз Милёне хочу сделать. А то купила себе один простенький сарафан...

Сообразив, что для девушки мы действительно так толком ничего и не приобрели, я отсчитал спецназовцу денег.

– Держи. Только без фанатизма. Не наряжай ее, как на бал, нам еще в псковщину добираться, телеги с товаром приобретать...

– Бутиков здесь нет, к сожалению. Ничего, соображу как-нибудь.

Но вид у него был, прямо скажем, нерешительный.

– Так ты без нее ей вещи покупать собрался? А сможешь?

– Справлюсь... наверное. Я же говорю – сюрприз хочу сделать.

– Ладно, погоди.

Я заметил, что Гром разговаривает с хозяином заведения, подошел к ним и предупредил майора, что Милёна остается, а мы с Жаном отойдем ненадолго.

– Милёна, побудь, пожалуйста с Валерием. Ваню я заберу не надолго, – сказал я девушке, вернувшись назад. – Пошли, спецназ, Шоппинг, так шоппинг...

Глава 4

Увидев в нас платежеспособных покупателей, продавцы наперебой предлагали женские наряды, при этом ругая товар конкурентов и на все лады рекламируя свой. Чего здесь только не было... Обалдевшие от гвалта, мы с Жаном не знали, что же нам выбрать из предложенного. Со стороны слышался чей-то смех. Я огляделся и заметил двух нарядно одетых девиц, стоящих неподалеку и наблюдавших за происходящим с улыбками на лицах.

– Погоди-ка... – Оставив спецназовца, я подошел к молодым. Они опустили смеющиеся глаза и прикрыли свои улыбчивые сахарные уста краями расписных платков.

– Здравствуйте, красны девицы! – поприветствовал я их. – Именно вы, любезные, нам и нужны. Не откажите, Бога ради, в помощи.

Они переглянулись и захихикали. Потом та, что побойчее, все же решилась ответить, не забыв при этом кокетливо заломить бровь:

– Отчего не помочь? Только чем же это мы можем помочь такому разудалому дружиннику?

– Не мне, девушки, а моему другу. Хочет он своей зазнобе-любушке купить одежду и обувь – на разные случаи в жизни. То есть, и на будние дни, и на праздничные. Но трудность в том, что ни он, ни я в женских нарядах ничего

не смыслим. Но давайте сначала познакомимся. Меня зовут Краем, а его Иваном. А вас?

– Меня Анфисой, а ее Ольгой.

– Вот и познакомились. Нам очень приятно. Итак, готовы ли вы прийти на помощь князевым дружинникам?

Анфиса глянула на подружку. Та кивнула и спросила меня неожиданно мелодичным голосом:

– А какова на вид зазноба-любушка у твоего Ивана? Худышка, али толстушка? – Они снова рассмеялись.

Я ненадолго замешкался, потом ответил:

– Станом на тебя похожа, Ольга. Такая же ладная. – И, заметив, как изменилась в лице обделенная вниманием Анфиса, добавил, – а ростом как твоя подруга – статная и видная.

Девушка вновь расцвела, подбочившись оглядела меня с ног до головы и, фыркнув, произнесла:

– Что же, так и будем разговоры разговаривать? Друг твой молчаливый совсем закручинился вон... А ну, пойдем-кось, Оля!

Подружки деловито направились к Жану и окружавшим его продавцам. Дело быстро пошло на лад. Правда, девушки пару раз было заспорили между собой, выбирая сарафан и юбку, но Жан наконец-то раскрепостился и выступил третейским судьей, взяв на себя право окончательного выбора.

Пока они занимались покупками, я отошел в сторонку, заинтересовавшись товаром одного из торговцев. Судя по шоколадному цвету кожи, крючковатому носу и иссиня-черной

бороде, это был купец из Азии. По-русски он изъяснялся, но очень невразумительно из-за дичайшего акцента. Однако, у этого торгаша был собственный толмач, который бойко говорил по-русски. Лицо переводчика почему-то было по самые глаза закрыто тряпичей. Его темно-карие глаза цепко впились в меня из-под густых черных бровей. Взгляд показался мне каким-то нехорошим, цепким, изучающим...

– Что хочешь, дарагой? – спросил он, подойдя на зов своего хозяина. – Многа разный ювелирный украшений есть! Вибирай любой. Твой супруга будет очень рада такой сувенир!

Я вздрогнул. Сувенир?!

Купец подлетел ко мне, взял под локоть, что-то лопоча и беспрестанно кивая. Всем своим видом и поведением торгош старался подтвердить слова толмача и поощрительно улыбался, рекламируя разложенные на прилавке великолепные украшения ручной работы (иной здесь и быть не может!), указывая толстеньким указательным пальцем на мастерски изготовленные браслеты, монисто, серьги, кольца и другие драгоценные побрякушки. Позабыв о том, что меня что-то насторожило, я объяснил толмачу, что именно мне надо. И, когда он переводил сказанное своему хозяину, по характерной напевности узнал арабский язык. Переводчик показался мне странным. Его акцент... Какой-то он неестественный... Но в это время меня позвал Жан:

– Ты куда запропастился, Край? Иди сюда!

Я решил, что моя подозрительность безосновательна. Почудилось... Поэтому в темпе приобрел несколько вещей и потом вернулся к своим. Спецназовец, прищурившись, внимательно посмотрел на азиатов, с которыми я только что совершил сделку.

– Чего ты там?..

– Сейчас узнаешь. Ты помощниц-то своих поблагодари! То они, зря на тебя время тратили, что ли?

– Ох, и спасибо же вам, девоньки-красавицы! – громко поблагодарил Анфису и Ольгу Жан. – Да если бы не вы... Да я бы ни за что не смог сам выбрать то, что надо, ни за что в жизни!

Подружки неожиданно засмутились и синхронно покраснели.

– Чего уж там... Знамо, не мужское это дело, бабьи тряпки выбирать...

Я решил, что настало мое время, и вручил им то, что купил у арабского торговца. Одной из девиц досталось колечко, а второй серьги – оба изделия ажурные и были выполнены искусными мастерами. Девушки заахали, завидев такую красоту. Как истинные представительницы лучшей половины человечества, отказаться от украшений, предложенных им в качестве награды, они были не в силах...

Я уже собирался распрощаться с нашими помощницами, когда за моей спиной вдруг раздался недовольный голос:

– Анфиска! Ольга! А чего это вы тута делаете? Кто это

тута с вами?! Вы кто такие, ась?! Ты чего это им тут, я тебя спрашиваю?! Тебя спрашиваю, слышь!

Оглянувшись, я увидел здорового, с несколько придурковатым выражением лица детину, выпучившего на нас с глаза. Он хотел ткнуть указательным пальцем капитана в грудь, но... к сожалению, тому этот жест показался вопиюще наглым посягательством на несанкционированное проникновение в личное пространство (именно так витиевато он мне прокомментировал впоследствии свою реакцию на тыканье пальцем в грудь). В реальности последствия для детины выглядели печально: сломанный палец, полусвернутая набок челюсть и опухшая от сокрушительного пинка ягодица. Словом, самая малость из того, что собирался содеять Жан с наглецом... Но не содеял, так как в экзекуцию вмешалась Анфиса, заступившись за несчастного:

– Не тронь Ванятку, Иван! Он свой, к Ольге сватается! Защитить ее хотел... Он не знал ить!

Спецназовец замер с занесенной для завершающего удара рукой.

– Ванятка?!

– Ну да, зовут его так.

– Вот этого борова... паренька зовут Ванятка? Ну-ну... Иван, значит? Тёзка мой. – Жан посмотрел на меня, как будто спрашивая, стоит ли ему продолжать начатое.

Я сочувственно взирал на детину, лежащего на земле. Он держался за скулу и жалобно подвывал на высокой ноте. На-

до было как-то устранять последствия конфликта. Тем более, что вокруг начала собираться толпа.

– Пожалуй, ошибочка вышла, мой друг. – Протянув детские руки помощи, я добавил, – Не обижайся на моего друга. Он еще от свеев не отошел... Злой он, это понимать надо. От битвы не отошел, контузия...

Я осёкся. Куда меня понесло?... Какая контузия...

В этот момент кучка зевак раздвинулись, и сцена дополнилась еще несколькими персонажами. Главным среди них был сидевший на кауrom жеребце заросший по самые глаза окладистой бородищей мужчина в сдвинутой на затылок меховой шапке, добротном длиннополом кафтане с меховым приподнятым воротником и дорогих красных сапогах с тончайшим орнаментом. В его унизанной перстнями руке я заметил свернутый в кольцо черный кожаный витень – треххвостую плетть. Судя по виду, это был знатный вельможа, показавшийся мне странно знакомым. Вокруг него вился десяток дюжих гридней: все в добротных пластинчатых юшманах и с мечами, вложенными в поясные ножны. Они беззлобно, но настойчиво распахивали напирających зрителей. Я насто-роженно смотрел на их остроконечные шишаки. Д, эти воя-ки явно сопровождали вальяжного бородача.

И еще один персонаж обратил на себя моё внимание. Он стоял чуть в сторонке особняком, но явно был из этой же компании, потому что телохранители его не трогали. Одет он был по-монашески, капюшон хламиды отброшен назад.

Обращало на себя внимание аскетическое, с резкими чертами, лицо этого типа – сероватое, с темными рубцами. Борода стекала на грудь редкими маслянистыми прядями. Блеклые рыбы глаза впивались взглядом, словно остро отточенные стилеты.

Я перевел взгляд на главного. Где я же его видел? И его жеребец мне точно знаком... Ванятка отвлек меня от мыслей, потому что вдруг перестал скулить и плаксивым голосом громко обратился к вельможе:

– Любослав Дмитрич, убива-ают!!! За ни за что убива-ют!.. – и, напрягшись, протяжно по-бабы взвизгнул, словно юродивый, – Защити-и, боярин! Убива-ают, люди добрыя-а!!!

Толпа возбужденно загомонила. Жан придвинулся поближе ко мне и вполголоса спросил:

– Слыхал? Любославом назвал... А не тот ли это Любослав?..

Точно! Тот самый, которого князь Александр Ярославич с крыльца спустил... Как же, помню. Но вслух я ничего не сказал. Просто пожал плечами и молчал, ожидая развития событий.

Тем временем боярин сжал губы в железную нитку и, всё также не произнося ни слова, оглядел место происшествия, шершавым взглядом прошёлся по толпе. Гомон моментально стих, люди робко попятились. Анфисы и Ольги среди них уже не было. Когда они успели исчезнуть?.. Наконец, боро-

дач впери́л мрачный́ взор в нас с Жаном.

– Говоришь, значитца, от свеев ишшо не отошел? – Голос у боярина был скрежещущим, режущим слух. Я даже удивился, что у человека такой может быть... – С Невской сечи явились, что ли?

– Мы... – начал говорить Жан.

– Замолчь! – неистово рывкнул Любослав Дмитрич, пуча глаза. – Не повелел я ишшо тебе голос свой являть!

Я хмыкнул и повел плечом. Ишь ты, норовист боярин... Однако, не угадал он, влезши со своим вельможным нахрапом. Явился тут, понимаешь, как селедка из кустов смородины...

– А кто ты таков, чтобы мочь моему товарищу велеть или не велеть? – Я добавил в голос изрядную порцию холодной ярости, но говорил приглушенно. – Мы княжеские дружинники. Так что, повелевать нам могут только князь и его ставленники, понял, любезный? Или тебе давно пониже спины пинка не отвешивали?

Гридни, как будто подчиняясь чьей-то команде, моментально окружили нас. Ванятка попал одному из них под ноги, получил отменного леща, вскрикнул и, не вставая на ноги, резво завилял задом, улепетывая на четвереньках прочь. Как по стеклу, скребанули по нервам клинки, вытягиваемые из ножен. В толпе кто-то ахнул.

– Жаль, стволы у Грома остались, – с досадой прошептал Жан. – Многовато их.

– Нельзя стволы. Отобьемся и так. Держимся спина к спине... – Я шагнул к спецназовцу и повернулся лицом к боярину. Взялся за рукоять сабли, но в последнюю секунду решил не торопить события и не стал выдергивать ее из ножен. Бесстрастным голосом, лениво растягивая слова, произнес, обращаясь к хозяину гридней, – осади своих холопов, Любослав Дмитрич. Зашибём ненароком, – и выделил, со значением, – с тебя начну.

Боярская грудь под бородой ходила ходуном. Сверкнули в оскале желтые зубы. Витень в руке сначала дернулся, потом застыл. Лютая, едкая ненависть изливалась из поведьмачьи зеленых глаз Любослава Дмитрича. Гридни стояли на полусогнутых ногах, готовые кинуться на нас одновременно со всех сторон. Назвав холопами, я их намеренно оскорбил, и они это поняли. Воздух загустел. Мое зрение, слух, обоняние обострились. Появилось уже знакомое чувство необычной замедленности в движениях окружающих меня людей. Тело готовилось к схватке...

И тут неожиданно заговорил серолицый монах. Он смело шагнул вперед и остановился между мной и конем Любослава Дмитрича, воздел руки кверху, как бы призывая всех присутствующих в свидетели.

– Вот, новгородский люд, зрите, что деется на ваших глазах? Ратники Александровы над честными горожанами суд несправедливый чинят... Почто купеческого сына Ивана Шубина наземь с ног свергли? За защиту, на кою он встал,

не желая отдать на поругание молодлиц новгородских! – Он направил в нашу сторону указующий перст. – Вот они! Эти дружинники, что похоти ради нареченную Иванову невесту, и подружку её, сладкими речами извращали, драгоценностями одаривали, охальники... Силу свою почуяли, вседозволенность?! Им что свей, что новгородец – всё едино!

В толпе послышались негодующие возгласы:

– Так и было... верно сказано... вон оно как... охальники!..

Боярин, почувствовав поддержку серолицего, подбоченился в седле, картинно положил руку на рукоять меча, и заорал, надсаживаясь:

– Вечевого набата захотели, княжьи прихвостни?! Будет вам набат! Аки горох из худого мешка из Новгорода посыплетесь, ироды окаянные! А ну!.. – Он поискал взглядом. – Где Ванятка? Подь, слушай что повелю... Ступай-ка ты за старшиной Данилой Серединным! Зайцем чтоб!

Народ осмелел, заговорил... Любослав Дмитрич подбрасывал им нужные слова, как дрова в раскаленную топку. В паузах продолжал вещать серолицый монах.

– Ё-кэ-лэ-мэ-нэ... – удрученно пробормотал Жан за моей спиной. – Что думаешь делать, старлей? Валим боярина и дальше по ситуации?

– Ша, спецназ... Дела невеселые, конечно. Но кровь пускать рано. Будем ждать развития событий. Нет, убивать никого не стоит – это точно. Прорваться сквозь толпу без лиш-

ней крови все равно не получится. Так что, ждем. Действовать будем в соответствии с развитием событий. Главное не сорваться...

Спецназовец удрученно пробормотал:

– Эх... Как там наши в кабаке? Потеряли, наверное.

Данила Прокопович, заметно прихрамывая, появился в окружении четверых стражников, вооруженных короткими пиками. Сумрачное лицо старшины не внушало оптимизма. Судя по шрамам на нём, а также по искалеченной ноге, у местного «полицейского» богатое боевое прошлое. Он обладал цепким взглядом и был немногословен. С его приходом заговорили все разом. В толпе послышались крики, требующие для нас самого сурового наказания. Любослав Дмитрич поднял руку.

– Тише, новгородцы! Тише, говорю! – и, тыча в нашу сторону унизанным перстнем пальцем, обратился к блюстителю порядка. – Старшина! Эти окаянные дружинники возжелали надругаться над двумя молодницами. Надобно их пред народом осудить и примерно наказать! Тебе тысяцкий доверил порядок в городе соблюдать, значица тебе и исполнять, что народ повелевает!

Серединный скользнул по Любославу Дмитричу сонным взглядом, перевел его на нас, потом кивнул своим людям. Стражники, оттеснив боярских гридней, окружили нас. Старшина, подошел ближе, чуть ли не вплотную, встал ко-

собоко, и негромко произнес:

– Ну-кошь, сынки, сымайте-ка свои железяки, и отдайте страже. И не мешкав...

Жан скрипнул зубами.

– Пойми, почтенный, то, что здесь про нас говорится – это наглая ложь! Мы просто пришли купить платье...

– Врет! – заорал приведший стражников Ванятка. – Я сам видел!

Любослав Дмитрич приосанился и басовито гаркнул:

– Старшина, повелеваю взять этих двоих под стражу!.. – но под строгим взглядом Данилы Прокоповича осекся, отвел глаза, начал поправлять шапку.

– Разберемся, боярин. – Данила Прокопович повернулся к нам с Жаном. – А вы, ратники, всё же отдайте свои мечи, дабы я не осерчал. Ну?!

Разоружаться мне очень не хотелось. Я сделал еще одну попытку, обратившись к старшине:

– Отдадим, а они накинута! Что ты потом князю Александру Ярославичу скажешь, если с его дружинниками нечестно поступят? Ты, старшина, поговори с продавцами, у которых мы товары покупали. Они подтвердят, что девушки только помогали нам выбрать платье для жены моего боевого друга.

– Разберемся, – как робот повторил тот. И добавил, понизив голос чуть ли не до шепота, – не отдашь меч, накинута. Верно тебе говорю... Послушайте меня, ратники. Князь

нонче далече, а народ злой... вот он, рядом. Вот я и говорю: сначала надо разобраться во всем.

Я посмотрел старшине в глаза. Он не отводил взгляда, даже, как мне показалось, еле заметно кивнул. Я глянул на Жана.

– Ладно, подчиняемся. Поступай по справедливости, Данила Прокопович. Вверяем себя под твою власть.

– Только я свой сидор возьму, – непримиримо буркнул Жан. – Там подарки для моей жены.

Глава 5

Нас заперли в слишком просторном для каталажки помещении. Здесь было темновато, но мы всё же разглядели, что из мебели здесь только одна узкая, но длинная – от стены до стены – потемневшая от времени скамья. Я уселся на нее, вытянул ноги и с тоской глянул на узенькое оконце, расположенное под самым потолком. Сколько времени нам придется провести в этой убогой конуре?.. Жан принялся ходить из угла в угол, сжимая и разжимая кулаки. Озлобленно рыкнул:

– Разберется он... Я так понимаю, что этот Данила Прокопович местный мент? Узнаю их излюбленное – «разберемся»!

– Кто-то же должен за порядком следить, – заметил я. – Если не старшина и его стражники, Любослав с его странным монахом очень быстро натравили бы на нас новгородцев, а уж толпа... Сам понимаешь – могли просто задавить массой и разорвать на клочки. В такой ситуации даже Брюс Ли не справился бы. И Данила Прокопович нас мог просто в поруб зашвырнуть, а не в эти, сравнительно комфортабельные апартаменты.

– Какой еще поруб?! Что-то типа мясорубки?!

– Нет. Порубом тут называется яма с бревенчатыми стенами. Туда бросают преступников. Не-ет... Нам с тобой о другой проблеме думать надо, Жан...

– Что, еще проблема?! Мало нам...

– Да погоди ты! Включи опцию выдержки, спецназ!

Я поведал ему о том, что занимало мои мысли. Судя по историческим справкам, вскоре после победы на Неве новгородцы потребовали, чтобы Александр Ярославич вместе со своей дружиной покинул город. Победоносный князь стал слишком популярен, а это очень даже не устраивало новгородскую элиту. Ну не желали местные бояре делить с кем-либо власть, и точка! К тому же Невский, победив шведов, нарушил планы богатеев на сотрудничество с их приятелями католиками.

– Это всё я понял, когда они толпу заводили... Откуда этот серый взялся?! Красиво народ на самосуд разводил, сука!

– Погоди, – прервал я капитана. – Этот серый монах-кликуша на рынке использовал в качестве рычага давления на толпу инцидент, в котором замешаны мы с тобой. Понимаю конечно, что, кроме нас, существуют и другие факторы. Но... мы явились сюда из другого времени, и попали в самую гущу событий. А если допустить, что именно наше появление спровоцировало открытое сопротивление местной знати княжению Александра Невского в Новгороде? Представляешь, а вдруг естественный ход событий не предполагал изгнание князя, что тогда? Получается, что мы повлияли на ход истории!

– Если бы, да кабы... Ты сам-то себя слышишь? Какие бы

предположения ты не делал, это всего лишь предположения, Край. Истина где-то рядом...

Он просвистал мелодию из сериала «Секретные материалы» и ухмыльнулся. Но я не успокаивался:

– Погоди свистеть, свистун! Насвистишь беду... Вот, слушай: а то, что мы спасли князя от покушения, это как расценивать? Значит в реальности его должны были убить! Разумеешь? Сопоставь факты! Или, к примеру, история с сожжением «Слова о полку Игореве» – я тебе рассказывал, помнишь? Уверен, что инок Евстафий, воссоздаст список с моих слов, и тогда мы будем иметь эпизод истории в том виде, в каком ее знают наши с тобой современники!

Но Жан был настроен скептически и продолжал мне возражать, выдерживая категоричный тон неподкупного судьи:

– Это всё предположения. Где неопровержимые доказательства? А вдруг где-нибудь уже имеется местный экземпляр списка «Слова», о котором монах не знает, а этот экземпляр возьмет и всплывет? Нет, стерильных, качественных доказательств у тебя нет, Край.

Мы еще долго спорили об этом. В итоге уперлись в логический тупик и перевели разговор на другие темы. Жан посетовал на то, что Гром с Милёной не знают о нашем пленении. Мы попытались угадать, как поступит в этой ситуации майор, и пришли к выводу, что он, разыскивая нас, пойдет опрашивать продавцов. Конфликт на местном рынке с нашим участием был резонансным, так что он должен быстро

вникнуть в ход событий.

– Лишь бы Валера тоже не вляпался, – встревожился капитан. – У него боевое снаряжение точь в точь как у нас! Любой догадается, что он из нашей компании!

– Вряд ли он вляпается. Майор опытный разведчик. Как он поймет, что мы куда-то пропали, сразу же сообразит, что это неспроста, и будет предельно осторожен.

В это время снаружи загремел дверной засов. Мы переглянулись.

– Может, встретим, как подобает?.. – Спецназовец сжал кулаки и хищно улыбнулся.

– Нет, бои без правил пока неуместны, Жан. Морды будем после бить. Есть у меня такое предчувствие, что Данила Прокопович мужик суровый, но справедливый. Этот разберется, я немного разбираюсь в людях.

– Твоими устами, да пельмени бы лепить...

Дверь ржavo скрипнула и отворилась. На пороге стоял старшина, за его спиной были видны двое стражников. Данила Прокопович, не оборачиваясь, что-то неразборчиво пробормотал, вошел, придиричиво огляделся, и только потом выпустил одного из сопровождающих внутрь. В руках в того были две миски, наполненные кашей – с горкой. В обе были воткнуты деревянные ложки. Миски были вручены нам. Первый стражник вышел, потом вошел второй, с глиняным кувшином и громадной хлебной краюхой, разместил все это на скамейке, а потом тоже ретировался. Прокопович закрыл

за ним дверь и подошел к нам.

– Потчевать вас, дружинники, особенно нечем. Наших постояльцев мы обычно разносолами не балуем. Но для ратников, свеев побивших... Вот, отведайте каши с мясцом олешка – с моего стола. В кринке не мед, не обессудьте, квасу вам свою домашнего набулькал, ан не с торгов... Ежели не доверяете, могу взять пробу. – Не ожидая ответа, он отведал по половине ложки каши из обеих мисок и запил квасом. Потом утер рукавом бороду, солидно крякнул и, как ни в чем не бывало, уселся рядом со мной на скамью, буркнув, – не побрезгайте.

– Благодарим, старшина, за гостеприимство, – ответил я за обоих. – Вижу, человек ты не коварный... на первый взгляд. Надеюсь, что не ошибаюсь в тебе.

Он усмехнулся, прицельно осмотрел меня.

– Ешьте, дружинники, ешьте... Пока не остыло. А я говорить буду. Знаю, непонятно, тревожно вам, и душа пояснения требует. Так что, ешьте и слушайте.

Выяснилось, что Данила Прокопович не поленился, и сходил-таки на ярмарку, чтобы опросить торговцев, продающих именно женские наряды – он помнил оговорку о наших покупках. Люди не скрывали, что двое дружинников действительно брали у них упомянутые товары, консультируясь при этом с двумя девушками, специально приглашенными именно для этой цели.

Но, как человек дотошный, он выяснил, какие именно мо-

лодицы оказывали нам помощь, сходил к обеим домой. Родители сначала были против того, чтобы их чада были подвергнуты допросу, но старшина смог их убедить. Девушки подтвердили нашу версию и, более того, смущаясь и краснея, защищали нас, князевых дружинников.

– Пондравились вы им, девицам-то... Ишь... Хе-хе...

На этом Данила Прокопович не остановился. Он заявился в дом Ванятки и, пригрозив наложить строгое взыскание, если тот будет продолжать врать, заставил сознаться в оговоре. Таким образом, старшина выяснил, что мы ему не лгали. В этом человеке сидел матёрый следак!

Когда он вернулся в контору, его там поджидали боярин Любослав Дмитрич и инок Апраксий – тот самый серолицый монах. Они прослышали о дознании старшины и решили оказать на него давление, пытаясь напугать гневом новгородцев. Но Данила Прокопович проявил каменную твердость и дал им понять, что не намерен поступаться справедливостью ради мутных замыслов этих двоих.

– Ох и ругался боярин-то... Оно конечно, за оговор бы его на суд праведный за бороду приволочь, да не можно, крутенец боярин-то, при власти. – Старшина тяжело вздохнул, но потом хитро улыбнулся. – А ведь я с тысяцким о вас поговорил. Он эту весть посаднику донес, о каверзных помыслах Любослава Дмитрича, о том, как он народ мутит. Так что, дружинников князя мы в обиду не дадим, пусть так и знают! А то, ишь ты, стращать меня начал...

– А монах? – поинтересовался я. – Тоже ругался?

– Нет, этот смотрел всё по-змеиному, но поначалу смолчал. А потом сказал, что нужен человек, который сможет вашу порядочность подтвердить, потому как, никто ваших мыслей знать не может. Дружинники князевы, говорит, тоже чать не святые. А и то... Люди вы для меня новые, незнакомые. Вот ежели придет кто-то и сможет доказать, что пакостных помыслов у вас в отношении девиц быть не могло, ибо не таковы вы по своей нутряной сути, то отпущу вас с чистой совестью на все стороны. Вот так-то, дружинники. Подумайте, кто бы смог за вас поручиться. – Он встал. – Покушали? Сейчас холопа впущу, приберёт.

Он уже пошел к двери, но я его окликнул, вынимая из кармана князеву пайцзу:

– погоди, старшина. Подойди, покажу тебе кое-что.

Внимательно осмотрев бляху, которую мне выдал на всякий случай Доброслав Алексеич, старшина надолго задумался.

– Чего застыл, Данила Прокопович? – нетерпеливо спросил Жан. – Этот знак подтверждение того, что сам князь Александр Ярославич нам доверяет, понял? Разве можно заподозрить доверенных людей самого князя в какой-то пакости?

– Это мне понятно, – примирительно пробормотал древний аналог мента. – Но сей знак не покажешь боярину с иноком. Они ведь сами-то супротив князя бузят. Не ровен час,

отнимут у вас бляху, что тады будешь делать, ратник? Я вам поверил, это взаправду. Но мне надо и людям объяснить, почто я вас освободил, с какого это рожна?! Потому нужен человеке, коему поверили бы все, миром, стало быть.

– Есть такой человек, – задумчиво произнес я.

– Кто таков?

– Евстафий, инок из Живицкого монастыря, с псковщины.

– Далековато живет...

– Сейчас он должен быть в Новгороде. Говорил при расставании, что найти его можно в Софийском соборе. Надеюсь, инок еще не отправился назад, в свои Живицы...

Я рассказал старшине историю Евстафия и о причинах его появления в Новгороде. Данила внимательно меня выслушал и пообещал отыскать монаха, если тот еще не ушел из города. В этот момент дверь распахнулась, взвизгнув в петлях. В проеме стоял запыхавшийся стражник.

– Данила Прокопович, беда... Купца заморского упокоили, басурманина.

Старшина махнул на него рукой, приказывая молчать, и уже не оглядываясь, вышел.

Когда мы снова остались одни, Жан вздохнул.

– Весело живут... Убили кого-то.

– Полицейские будни.

Мы помолчали, размышляя каждый о своем. Потом спецназовец задумчиво произнес:

– Эх, жаль Доброслав Алексеич не в Новгороде... Самим к Александру Ярославичу напрямую обращаться? Как-то не комильфошно через голову непосредственного начальства прыгать... Да и, если все-таки пойдем к князю, скажет, что это за младенцев я выбрал для выполнения важного секретного задания? Да и знак его не сработал.

– Это точно. – На меня напала зевота. Может, сытная каша виновата в напавшей сонливости?

– Тебе что, совсем по фигу? Сидишь, зеваешь...

– Я еще и поспать собираюсь. Подвинься, прилягу, пожалуйста.

– Эй, – Жан вскочил. – Ты серьезно?! Как можно спать в такой момент?!

– А что делать? Ныть, как ты? Данила обещал найти Евстафия. Нам остается только ждать.

Как выяснилось, инок не успел покинуть Новгород. Часа через два после нашего разговора старшина, как и обещал, выпустил нас Жаном под поручительство Евстафия. При чем, мы узнали, что монаха в городе нашел вовсе не Данила Прокопович.

Когда мы вышли на улицу, нас там ожидали инок и... одетый в «штатское» Гром. Одежда на нем была весьма, по местным меркам, качественная и даже несколько вычурная, поэтому он выглядел богатым, влиятельным человеком. Старшина, прощаясь, вернул нам оружие, сидор с подарка-

ми для Милёны и настойчиво посоветовал особо в городе не маячить, поскольку бояре не уgomонились – новгородская олигархня продолжала нагнетать обстановку, подготавливая почву для выдворения князя Александра Ярославича. Наши личности стали слишком «популярны» и если мы снова попадемся на глаза боярину Любославу с его приспешникам, то это наверняка будет использовано ими для новой провокации.

– И еще. – Данила понизил голос. – Спрашивал тут о вас один... Видом не русский. Не понравился он мне... Лицо тряпицей закрыто. А глаза... так и жгут. Бесовский взгляд, черный – чур-чур меня... Так что, берегите себя, ратники.

Я насторожился.

– Что его интересовало?

– Имена спрашивал, откуда вы в город пришли... А еще уж очень хотелось ему глянуть на ваше оружие. Он мне даже деньги предлагал.

– А ты?

– А что я?.. Сказал ему, чтобы проваливал, иначе тоже закрою. Он и утёк...

– Что, прям убежал?

– Нет, ушел. Но быстро так... Раз! – и нет его... И впрямь нечистая сила... Чур-чур меня!..

– погоди, Данила, а скажи-ка мне, разговаривал он как? Слова русские коверкал?

– Нет, – после короткого раздумья ответил старшина. –

Говорил чисто по-нашему. Я даже задивился... Только не русский он, точно, чужой. Ну, бывайте, дружинники. Не таите зла, служба у меня такая. Пойду я.

Мы обнялись с майором, поздоровались с иноком.

— Как ты нас нашел? — удивленно спросил я Валеру.

— Найти было не трудно. Догадался, что у вас произошел какой-то конфликт с местными. Иначе, куда бы вы исчезли? Хозяин кабака помог нам с временным пристанищем. Милёна осталась там, хотя уговорить упрямую девчонку оказалось весьма затруднительно... А сам я переоделся в штатское и заявился на рынок. Там только о ваших художествах и говорили. Потолкался среди покупателей и продавцов, выяснил, что вас, так сказать, арестовали местные власти.

Местный аналог полицейского участка Валера нашел без особых затруднений. Он, соблюдая осторожность, поговорил с Данилой Серединным. Тот объяснил майору, почему так необходимо найти Евстафия. Искать инок тоже долго не пришлось: первые встреченные на улице священнослужители, узнав, кого он разыскивает, показали дорогу в монастырь. Инок удивился, увидев спецназовца, но, когда узнал, для чего понадобился, мешкать не стал и отправился нам на выручку. По дороге майор поведал ему о поручении князя. Евстафий выразил готовность отправиться с нами в псковщину.

Всю дорогу я молчал, одновременно слушая Валеру и размышляя над последними словами старшины. Не зря, значит,

мне этот толмач с ярмарки показался подозрительным. Почему его так заинтересовали наши персоны, что он даже выяснил, где мы находимся, и попытался выведать у Данилы о нас сведения? Тонкий ценитель оружия? Слов нет, наши клинки заслуживали внимания. Но... Нет, странно все это. Что-то тут не так.

Временное жильё, снятое с помощью кабатчика, находилось неподалеку. Когда мы друг за другом переступили порог горницы, Милёна, сидевшая на скамье у окошка, встала. Жан шагнул к ней. Майор подмигнул нам с иноком и мы, чтобы не мешать, оставили влюбленную пару.

Дом оказался достаточно просторным и состоял из трех комнат, не считая кладовой. Но самое главное, что во дворе была баня, или, как здесь их называют, мыльня!

По своему рангу мы оказались зажиточными постояльцами, и нам полагался обслуживающий персонал в виде личного холопа. Им оказался расторопный вихрастый паренек по имени Мишаня. Он на удивление быстро сварганил для нас баньку. Не прошло и двух часов, как можно было уже пойти попариться.

После помывки я надел на себя обновки с ярмарки и пожалел, что нет зеркала, чтобы разглядеть себя в новом наряде. Мы расселись у стола – я, Евстафий и Валера. Мишаня принес нам блюдо жаренного мяса, огурцов и помидоров. Но в первую очередь я налег на холодный квас. Майор внимательно посмотрел мне в глаза.

– Давай, Край, выкладывай, что там тебе старшина перед прощанием сказал? Я же видел, что ты всю дорогу до дома о чем-то размышлял.

Я сделал строгое лицо, намекая Грому на присутствие Евстафия. При иноке о некоторых вещах говорить было нельзя, тем более, о моих подозрениях, касающихся толмача-иноземца.

– Тебе показалось, Валера. – Я обратился к иноку, – Евстафий, друг мой, как же я рад тебя видеть! Ну как поживаешь? Агришку пристроил?

Аскетическое лицо монаха подобрело.

– Ужо пристроил... Хороших, добрых людей изыскал – семья мастерового, что храмы окрест Новгорода ставит по селам. Четверо у них, своих детишков-то. Ну решили, что где четверо, там и пятый сгодится.

– Добро, добро... «Слово» еще не начал записывать?

– Про него я поведал игумену Кириллу. Отче изумился, обрадовался... Придал мне двух писцов – из тех, кто моложе, чтобы я изрёк им изустно «Слово» многожды раз, как ты когда-то для меня. Так, чтобы запомнили твердо-накрепко. Вот им игумен и поручил всё с моих слов переписать.

Перекусив, мы решили не засиживаться в комнате. Атмосфера в помещении был застоявшаяся, поскольку слюда в махоньком оконце наглухо перекрывала доступ свежему воздуху, поэтому мы решили выйти во двор и продолжить разговор там. Я, стараясь не сболтнуть при монахе лишнее,

все-таки рассказал Грому о странном толмаче с ярмарки и о том, как он расспрашивал о нас у старшины Данилы Серединного. Майор никак не прокомментировал услышанное, но по его задумчивому виду было понятно, что полученная информация будет подвергнута тщательному анализу.

– Сегодня советую всем хорошенько выспаться, – сказал он. – Завтра на рассвете покинем Новгород. Итак задержались...

Глава 6

Но наши планы к утру изменились, потому что ночью на наши апартаменты было совершено нападение.

Неизвестные проникли во двор и сначала попытались войти в дом через дверь. Но засов был крепок, и чтобы преодолеть эту преграду пришлось бы изрядно пошуметь, а это в планы нападавших не входило. Они замешкались, решая возникшую проблему, когда дверь вдруг открылась сама. Жан решил выйти, чтобы справить малую нужду, и напоролся на четверых татей.

Хотя, это еще как сказать, кто на кого напоролся... Реакция спецназовца ошеломила непрошенных гостей. Он моментально оценил ситуацию и, крикнув «Тревога!», с ходу начал работать. Бил жестко, но без фанатизма, чтобы просто обездвижить не готового к такому стремительному натиску противника, а потом допросить злодеев, чтобы выяснить цель их ночного визита.

Первой на зов Жана выбежала Милёна. Она не спала и поэтому отреагировала быстрее нас с Громом. Когда мы с майором появились на месте схватки, тати уже лежали в беспмятстве, а Иван, как ни в чем не бывало, обнимал подругу. При нашем появлении она смущенно оттолкнула его и стала поправлять на груди сарафан.

– Нападение? – спросил Гром.

– Так точно. Вот они, все четверо.

– Уверен, что только четверо?

В этот момент Милёна вдруг резко рванулась к Жану, одновременно раскинув руки, как будто пытаюсь взлететь, и негромко ахнув, упала к ногам капитана.

– Что?! – вскрикнул он и склонился над девушкой. – Что с тобой?!

Сверкающий диск луны заботливо прикрыло облако, но, несмотря на сгустившуюся тьму, я разглядел торчащий из груди девушки арбалетный болт и сразу же, не раздумывая, помчался в сторону, откуда он мог прилететь. Забор покачился – стрелок только что перемахнул через него на улицу. От арбалета он избавился, просто отшвырнув на землю. Прыжок! Мое тело перелетает через ограду. Автоматически сгруппировавшись, перекатываюсь, вскакиваю на ноги и, наращивая темп, бегу за темной фигурой, уже скрывшейся в узком входе в переулок. Кто-то бежит за моей спиной – наверное, Гром. В подтверждение слышу его голос:

– Край, там поворот и тупик, поэтому я зайду справа, огородами. Гони его на меня, попробую перехватить...

Оказавшись в переулке, я останавливаюсь. Здесь царят темень и тишина. Беглец совсем не дурак... Где-то притаился, сволочь. Вдоль покосившихся заборов чернеют какие-то кустарники, то ли малина, то ли крыжовник. Наверняка, он прячется в них. Арбалет он скинул, значит не выстрелит. Но вполне может предпринять попытку применить холодное

оружие, например нож, с мечом он просто не смог бы улепестывать так стремительно. Но предугадать всего я не мог. Не до конца отросла еще, видимо, железа ясновидения...

Напрягши до предела зрение и слух, крадусь вдоль кустов. Облако, как назло, ушло, и луна ярко осветила меня, замершего посреди переулка. И все-таки какое-то чувство заставило меня дернулся вправо, одновременно пригибаясь. Прогремел выстрел и сразу еще один, где-то в стороне залаяла собака. Мое левое плечо рвануло, как будто кто-то, стоящий сзади, захотел рывком развернуть меня на месте. На ногах удержаться не получилось...

Послышался топот и крик, кажется, это голос майора:

– Край! Ты где?!

Потом затрещали ветки кустов, глухо бухнул забор, слышались встревоженные голоса. Я ожидал, что будут еще выстрелы, но их больше не было. Плечо болело, но не настолько, чтобы продолжать валяться пластом. Тем более, что вернулся Гром и помог мне встать на ноги.

– Ранен? – спросил он.

– Да, но не фатально. Где этот?..

– Сбежал. Ловкий, сволочь... Я ствол нашел.

– Ладно, давай скорее вернемся, пока народ не сбежался. И надо узнать, что там с Милёной. Еще арбалет надо подобрать...

Во дворе никого не было. Мы вошли в дом. На Жана было страшно смотреть. Он стоял на коленях и смотрел на девуш-

ку, лежащую на кушетке. При нашем появлении он спросил чужим голосом:

– Кто?

– Сбежал он, Иван, – ответил я. – Потом поговорим.

– Я слышал выстрел.

– Потом, Жан. Сначала надо ей помочь.

Девушка лежала на правом боку и была без сознания. Ее лицо покрывала синюшная бледность. Но я с некоторой долей облегчения заметил, что Милёна дышала. Возле нее суетился Евстафий.

– Как она, отче? – спросил Валера. – Рана сквозная?

Монах оглянулся, заметил мое окровавленное плечо, скривив губы, сокрушенно покачал головой.

– Слава богу, жива. Выше сердечка вошло жало... пробило лопатошную кость и, вона, со спины торчит. Только остерегаюсь я стрелу вынимать... Как бы кровью не изошла девица. Валериан, надобно скоренько Мишаньку в монастырь отправить. Там есть понимающий в лекарстве человек. Пусть холоп, не мешкав, приведет сюда лекаря. Краю, вон, тоже помощь нужна.

– Да, конечно, – ответил майор и, уже выходя из комнаты, озабоченно заметил, – Паренек, похоже, даже не просыпался.

Я вышел вслед за ним, поскольку была необходимость поговорить без свидетелей.

– Погоди, Валера... У тебя в бауле есть аптечка?

– Да.

– Достань ее. Надо бы Милёне укол сделать, чтобы избежать заражения. Ну и анестезию сделать, витаминов каких-нибудь... Болт все равно извлекать придется. А за лекарем Мишаню я сам отправлю. Еще надо воды нагреть, тряпья чистого приготовить... Не мне тебя учить.

Спецназовец кивнул.

– Тебе тоже инъекция не помешает. Жан знает, что надо сделать – растормоши его. Только надо внимание инока отвлечь. Не поймет Евстафий... я что-нибудь придумаю.

Я разбудил Мишаню и отправил его в монастырь. Потом забрал у майора аптечку. К приходу лекаря мы успели все сделать – инока под каким-то «безотлагательным» предлогом отозвал во двор Валера. Я подошел к Жану и вручил ему аптечку.

– Только быстрее, Иван, пока мы здесь одни. Валера сказал, ты знаешь, что надо делать. Давай, спецназ, займись.

Пока он дезинфицировал перекисью кожу вокруг ран у девушки с обеих сторон, древко болта, а также делал необходимые инъекции, я наскоро обработал свою царапину – пуля просто вскользь вспорола кожу, довольно глубоко, но не причинив серьезного вреда – и, наложив повязку, надел свежую рубаху.

Вскоре появился лекарь. Он заставил нас всех выйти из помещения, оставив себе в помощь только Евстафия. Учитывая обстоятельства, мы были вынуждены его послушать-

ся. Скрепя сердце...

На улице Жан попросил у меня сигарету.

– Кончились давно, – я сожалеюще развел руки. – Может, меду хмельного выпьешь?

Он отрицательно покачал головой.

– Ты узнал, что за сука в нее стреляла?

Гром полез в карман, вынул оттуда сначала смятую пачку сигарет, которую отдал Жану, а следом, уже из другого кармана, вытащил пистолет. Проверил обойму – пусто.

– Повезло тебе, Край... У него только два патрона оставалось. Понятно, что стрелявший – наш современник. Черт, надо бы гильзы отыскать... Край, ты заметил, откуда он стрелял?

– Из кустов вдоль забора по правой стороне. Завтра с утра попробую найти.

– Лучше через часок, ближе к рассвету. Пойдем вместе. Один на подстраховку, а второй с фонариком займется поисками гильз. – Гром спрятал пистолет в карман. – Подозреваю, что оружие принадлежит тому самому толмачу с ярмарки, про которого ты рассказал вчера. Судя по твоему описанию, Край, переводчик с арабского ни кто иной, как главарь банды террористов Теймураз. Больше не кому. Теперь мы знаем, что злодей сбежал из лагеря татей, добрался до Новгорода и каким-то образом умудрился наняться толмачом к арабскому купцу.

Валера замолчал. Череду догадок продолжил я:

– Полагаю, увидев меня и Жана в торговых рядах, он узнал боевое облачение со склада базы. В итоге, он проследил наш путь из каталажки прямо до этого дома. И нанял этих четверых... Кстати, где они?!

Карандыш, прикурив сигарету, сумрачно глянул в сторону дальнего конца огорода.

– «Двухсотые» они...

– Ясно, – пробормотал Гром. – Не удержался, капитан, да? Прикончил?..

– А что мне было делать?! Они Милёну...

– Да погоди ты, Валера, – вмешался я. – Прикончил и прикончил, чего уж теперь говорить. Они – местные бандосы-мокрушники. Шли работать по найму, но фортуна отвернулась, когда им попался капитан спецназа из двадцать первого века... С кем не бывает? А Милёна... Она девушка крепкая, выносливая... Уверен, выживет. Главное, не тормозить ее сейчас. Ни о какой поездке и речи быть не может. Ей необходим покой.

Жан кивнул, но неохотно возразил:

– А как же приказ князя? Нет, ребята, приказ надо выполнять, во что бы то ни стало!

– Ты что? – Я удивился. – А как же Милёна?

Капитан посмотрел на Грома, сделал затяжку, выдохнул. Потом спокойно продолжил:

– А что Милёна? С ней останусь я. А вы заскочите по дороге на базу. Ведь она как раз по пути?! Там доложите об-

становку Медведю, и вместе решите, как лучше выполнить приказ Невского. Думаю, Леший наверняка уже оклемался и вряд ли откажется от прогулки в псковщину. – Он помолчал, потом добавил, придав голосу весомость, – А я здесь займусь Теймуразом. Не зря он на нас напал. Считаю, что он для начала хотел завладеть нашим оружием, я имею в виду огнестрельным. А потом... потом он наверняка собирался пробраться на базу и попробовать ее захватить, перебив наших. Сколько у него наемников из местных? Считаю, это он того купца азиатского убил, помнишь, в каталажке про это старшине доложили? Толмач, тварь, араба прикончил, ограбил, а значит бабло у него есть. Нет, мужики, его нельзя оставлять в живых! Бог знает, какие еще черные планы в его террористической башке крутятся...

Майор засомневался:

– А как ты его узнаешь?

– Валера, я его наружность еще на ярмарке запечатлел в памяти, когда Край арабскую бижутерию для девчонок покупал. И то, что он морду тряпкой закрыл, это мне не помеха, я его, суку, по ауре узнаю!

Я подтвердил его слова кивком, но уверенности в правоте Жана во мне тоже пока не было.

– Выследить его вовсе не так просто. Думаешь, что он сюда, в этот дом, опять попрется? Теймураз не так глуп. Даже если ты сунешься с расспросами на местный рынок, злодея там все равно не найдешь. Наверняка он слинял с ярмарки

и где-нибудь затаился в ожидании.

Мы еще раз в подробностях обсудили положение наших дел, стараясь учесть каждую деталь. Только о том, что Милёна может умереть, никто даже не заикнулся. Гром утвердил окончательное решение: Жан безусловно должен остаться в Новгороде. Присмотрит за своей подругой, а также постарается выследить и уничтожить Теймураза.

– А если он все же сбежал из города? – предположил я.

– Вряд ли, – возразил Гром. – Он будет крутиться вокруг этого дома. Уверен, что злодей повторит попытку завладеть оружием. Так что, Иван, будь начеку.

– Не сомневайся, майор, – Жан решительно затоптал третий по счету окурок. – Он мне за этот выстрел по полной программе ответит.

Из дома вышел Евстафий. Выражение его лица было усталым, но, судя по улыбке, новость он принес благую. Жан шагнул к нему.

– Как там Милёна, отче?

– Бог милостив, Иван. Жало лекарь вынул, кровушку остановил. Огневицы нет. Спит девица... На диво спокойна. Даже не стонала, когда стрелу вытягивали. Молодость...

Мы переглянулись. Монах не мог знать, что Карандыш вкатил девушке приличную дозу анестетика и, вдобавок, ввел ей еще успокоительное.

– А где лекарь?

– Сейчас выйдет. Мишаня его проводит до монастыря.

Обещался приходить каждый день. А за девицей все равно пригляд нужен. — Евстафий строго глянул на Жана. — Немощна она, тяжелое увечье получила. В дорогу ей никак нельзя.

Спецназовец кивнул и зашел в дом. А мы с Громом решили не тянуть и, прихватив фонарик, отправились искать гильзы. Улица уже опустела, народ угомонился, поэтому нам никто не мешал. На поиски ушло примерно полчаса. Потенциальные артефакты были найдены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.